

На 1929 год

ПРЕДЛАГАЕТСЯ
ПОДПИСКА на

На 1929 год

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ (ЭВРОПАТОЛОГИИ),

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит под редакцией Г. В. Сегалина.

Имеются комплекты 25, 26, 27 и 28 года.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год 5 руб., на полгода 3 рубля.

Подписка и склад издания: «Практическая Медицина»,
Ленинград, улица Лассаля, № 2.

ВСЕ СПРАВКИ у редактора д-ра Г. В. СЕГАЛИНА,
Свердловск (быв. Екатеринбург), улица Вайнера, № 46.

127
14
XX
5-й ГОД ИЗДАНИЯ

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ
ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ
(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ВЫПУСК ВТОРОЙ
ТОМ V :: 1929 г.

Выходит под редакцией
Д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

Д-р Г. В. СЕГАЛИН

ИЗОБРЕТАТЕЛИ
КАК ТВОРЧЕСКИЕ НЕВРОТИКИ
(ЭВРОНЕВРОТИКИ)

==

XXIX - 1645

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»

ЛЕНИНГРАД, УЛИЦА ЛАССАЛЯ, № 2
ИЗДАНИЕ АВТОРА. СВЕРДЛОВСК 1929 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Введение	5
II. Определение понятия «изобретатель» с эвропатологической точки зрения	7
III. Классификация изобретателей	14
IV. Биогенез изобретателей	19
V. Типы изобретателей — эвроневротиков с полноценной продуктивностью (эвропозитивные типы)	23
1) эпилептоидный тип изобретателя	23
2) шизоидный тип изобретателя	27
3) циклоидный тип изобретателя	34
4) параноидный тип изобретателя	38
VI. Типы изобретателей эвроневротиков с неполноценной продуктивностью (относительно европозитивных типов — недостаточно компенсированные типы)	40
Типы бесплодных изобретателей	41
А. Экзогенные причины бесплодия изобретателей	41
В. Эндогенные причины бесплодия	41
1. шизоидные формы бесплодия	42
2. циклоидные формы бесплодия	44
3. эпилептоидные формы бесплодия	45
4. параноидные формы бесплодия	46
VII. Типы изобретателей с абсолютно малоценной продуктивностью (абсолютно бесплодные европаты, эвронегативные типы)	47
VIII. Симптоматология отдельных типов изобретателей и их распознавание	51
IX. Симптоматология и распознавание творческих приступов у отдельных типов изобретателей	55
X. Вопросы эвротерапии и эвропрофилактики, как очередная проблемы при создании помощи изобретательству	58
XI. Вопросы научной и социальной организации изобретательства	61
Заключение	64
Примечания к отдельным главам и по отдельным вопросам	65
Литература	74

І. Введение.

Что такое «изобретатель»? Что собой представляет этот творческий тип человека по своим биологическим, эвропатологическим особенностям?

На эти вопросы напрасно стал бы читатель искать ответа в литературе—он его не найдет. Имеется на русском и на иностранных языках несколько работ психологического характера некоторых авторов, по специальности инженеров или психологов, но эти работы не носят характера исследования биолога или психопатолога; между тем, с нашей точки зрения, без психопатологического или биологического подхода к этому вопросу не может быть и речи о научном освещении этого вопроса. Имеющиеся в специальной психиатрической литературе несколько работ психiatров, касаются главным образом душевно-больных, находящихся в психиатрических больницах. Между тем нас интересует здесь изобретатель вообще, независимо от того, считается ли он «здоровым» или больным.

Изобретатель интересует нас здесь постольку, поскольку конституциональные уклоны психики накладывают ту или другую печать на механизмы изобретательства, формируют тот или иной тип изобретателя, дела от его полноценным или бесплодным.

Подходя к этому вопросу таким образом, мы делаем такую попытку впервые. По крайней мере в литературе автору неизвестны такого рода работы об изобретателях, естественно, поэтому, что недостатки и пробелы, а возможно и ошибки, которые найдутся в данной работе, неизбежны.

Вопросы, здесь затронутые автором, надо рассматривать, как вопросы, которым автор пытается дать правильную постановку для дальнейшего изучения.

Ведь, правильная постановка вопроса необходима при изучении какой-либо области. Мы считаем, что в настоящее время весьма своевременно начать изучение вопросов, намеченных в этой работе. Пора знать, что собой представляют творцы техники, тем более, что вопросы изобретательства есть актуальнейшие вопросы социалистического строительства. Вот почему мы в конце книги также уделяем главу вопросу о социальной и научной организации изобретательства с нашей точки зрения. Автор сей книги работает в области вопросов творчества больше 30 лет,—можно сказать, всю жизнь, при чем на долю изучения психопатологии и эвропатологии творческой личности и лично-

сти изобретателей приходится не менее 15—20 лет. Все это дает нам основание и право изложить свою точку зрения на этот счет. Как практик-невропатолог и психопатолог, автор сей работы имел и имеет постоянное общение и наблюдение над невротиками в течение многих лет—среди них изрядное количество изобретателей больших промышленных районов. Этот огромный живой материал и послужил нам базой для обрисовки тех типов, о которых здесь идет речь. Кроме того, обслуживая этих изобретателей-невротиков, как врач, соответствующим лечением, автор уже давно, и в течение многих лет, среди других общепринятых методов лечения, применяет свой метод эвротерапии, что послужило основанием для изложения соответствующей главы в данной книге. Конечно, здесь автору приходится касаться этой темы лишь с принципиальной стороны, имея в виду в будущем вопросам эвротерапии посвятить отдельную работу.

— 6 —

II. Определение понятия „изобретатель“.

Об изобретателях обыкновенно в технических кругах судят по их внешним проявлениям—по их изобретениям. Если данная личность представила какую-нибудь новую конструкцию какой-нибудь машины, при чем, если в данной конструкции имеется новое техническое оформление, и, кроме того, если это новое дает очевидные и полезные результаты практической приложимости для потребности жизни в данный момент, тогда он получает кличку „изобретатель“.

Таким образом, в этом практическом подходе, мы имеем целый ряд моментов, которыми руководится практик техник—инженер в определении этого понятия. Моменты эти суть следующие:

1-й момент—об изобретателе судят по эффективной стороне изобретательства—по результатам изобретения.

2-й момент и самый существенный—новизна технического оформления.

3-й момент—практическая приложимость изобретения и непременно в данный момент.

Если бы мы захотели по этим моментам дать определение понятия «изобретатель», то мы имели бы такую формулировку: изобретатель есть личность, которая дает изобретение с новым техническим оформлением, практически приложимым в данное время для общества.

Верна ли такая формулировка понятия «изобретатель»? Практика возможно удовлетворяла бы такая формулировка, ибо для него имеются все критерии, нужные ему: новизна оформления, приложимость и ценность его в текущий момент. Но, при более глубоком анализе этого явления нас такое определение понятия «изобретатель» удовлетворить не может, ибо здесь исключается ряд существенных биологических признаков, а потому ведет ко многим ошибкам.

Прежде всего относительно 1-го момента. Если кто-нибудь изобретал всю жизнь нечто ценное и новое и не мог довести до конца свою идею по тем или иным причинам, а потому и не мог показать эффективность своих изобретений, то он по этому определению не изобретатель? Если данная личность создала изобретение, но оно не имеет в данный момент (или эпоху)

приложения, — он также исключается из числа изобретателей; или же, если данный субъект всю жизнь изобретает «вечный двигатель» (хотя бы и с новым техническим оформлением), он тем более не изобретатель, согласно вышеупомянутого определения понятия «изобретатель», ибо в его изобретении нет момента полезности и приложимости. Наконец, самый существенный момент — новизна технического оформления — тоже может быть различно истолкован. Среди изобретателей есть личности, которые дают новые технические оформления совершенно новым, до сих пор неизвестным техническим идеям; или же есть изобретатели, которые дают технические оформления старым, уже давно известным идеям (например, изобретения новых машин книгопечатания. Идея книгопечатания стара; новая техническая конструкция машины — нечто новое), и, наконец, существуют изобретатели, которые к старым техническим конструкциям изобретают новые идеи приложения.

Следовательно, мы видим здесь, что изобретатели в отношении новых технических оформлений и новых идей их приложимости могут быть следующие типы:

1. — Изобретатели новых технических оформлений новых же идей приложения.
2. — Изобретатели новых технических оформлений старых идей приложения.
3. — Изобретатели, дающие старым техническим оформлением новые идеи приложения.

Из этого мы видим, что признак изобретения нового технического оформления варьируется с признаком изобретения новых или старых идей приложения и на основе этих варьирований могут быть различные типы изобретателей:

1. Изобретатель технического оформления.
2. Изобретатель технического приложения.
3. Изобретатель смешанного типа (и оформления и приложения).

Сомтер (3) считает, что изобретатель оформления имеет в основе совершенно другую способность, называемую им «Mechanisches Sinn» (техническое чувство), нежели изобретатель технических идей (изобретатель идей приложения — по-нашему) и что это два совершенно различных типа с различными способностями. Мало того, он говорит, что во многих случаях сильно выраженная изобретательская способность технического оформления («Mechanisches Sinn») мешает часто иметь новые технические идеи, а если он их имеет, то мешает ему изобретать новые технические оформления. Этим объясняется по Сомтер'у, что изобретателей новых технических идей очень мало среди профессиональных техников и механиков. Больше их среди людей чуждых специальностей, у которых эта способность может быть выражена в сильной степени. Зато этим последним не хватает часто знания и опыта профессионала, а потому при тех-

ническом оформлении они делают ошибки, которых легко избежать профессионалу. Следовательно, эти 2 группы изобретателей приходится различать.

Из всего сказанного вытекает, что вышеозначенный критерий—новизна технического оформления, также недостаточен для определения содержания понятия «изобретатель», его необходимо определять еще и по другим признакам.

Для этого нам нужно оставить на время точку зрения практика, которая учитывает признаки, вытекающие только из результатов технического творчества, игнорируя совершенно другие существенные—биологические и социологические моменты.

Чтобы по-дойти ближе к этому вопросу мы должны рассмотреть сначала, из каких элементов составляется всякое творчество вообще. Во всякое творчество (точно также, как и во всяком изобретательстве) мы должны включать всегда четыре основные момента, которыми также определяется и понятие «изобретатель».

Эти 4 момента суть следующие:

1. Личность изобретателя, его особенности в отношении биологическом и эвропатологическом.

2. Среда, формирующая эти особенности.

3. Процессы изобретательства (как творческий процесс вообще) в зависимости от биологической и эвропатологической сущности изобретателя.

4. Результат этих (творческих) процессов: изобретение. Следовательно, без всех этих четырех моментов мы не можем себе представить какое-либо творчество вообще, и в частности, понятие «изобретатель».

В самом деле, если мы имеем какую-либо вновь изобретенную машину или написанную картину, или литературное произведение, то без личности, создавшей это творение в зависимости от определенной среды, и без творческого процесса у данной личности мы не можем себе их представить. Каждый творческий результат обязательно предполагает наличие этих 4-х элементов. При определении понятия изобретатель с точки зрения практика, как мы видим, принимаются во внимание только элементы творчества, указанные в пункте 4-м (результат творческих процессов), не учитывая все другие элементы. Поэтому нам нужно формулировать понятие «изобретатель» так, чтоб оно включало всю многогранность содержания понятия, увеличив также и его объем, тогда мы сумеем включить все разновидности и типы, которых не позволяет нам включить вышеозначенное определение понятия практиков. Тогда уже изобретателем будет не только тот, у которого процесс нового технического оформления доводится до реальных (или до полезных в данное время) результатов, но и также тот, у которого этот процесс не доходит до этого желаемого конца.

Следовательно, с этой точки зрения, практическая приложимость результата изобретательства является необязательной. Изобретателем будет также и тот, у которого резуль-

тат изобретения—утопия—«вечный двигатель» или неоконченное изобретение.

Существенным является для определения понятия «изобретатель» организеская потребность определенного типа личности искать удовлетворение в процессах созидания новых технических оформлений, независимых от результатов. Результат, может быть, может даже не быть или же, быть результатом малоценным для общества, или даже безразличным, а иногда прямо извращенным и вредным. Точно так же как половая функция человека у одних дает полезный для общества результат—прирост полезного для общества населения, у других эта функция не дает этих результатов, у третьих она дает извращенные, болезненные, недостаточные с точки зрения социальной полезности, результаты.

Важно здесь отметить наличие признаков процесса творческого как биологической функции. С такой же точки зрения мы должны рассматривать процессы изобретательства, как процессы некоей биологической функции определенного типа человека. Следовательно, для определения понятия «изобретатель» должны также входить признаки, указанные в пункте I (элементы биологии личности), и признаки, указанные в пункте III (элементы процесса творчества, как некоего биологического процесса, вытекающего из биологических особенностей данной личности).

Для этой цели обратим внимание на то, какие биологические признаки мы имеем у изобретателя, как творческой личности вообще. Мы уже в наших работах неоднократно указывали (8), (9) на то, что всякий творческий процесс вообще предполагает наличие у данной творческой личности 2-х следующих биологических признаков. Наличие кумулятивного компонента (компонента потенциального накопления специфической одаренности) и наличие диссоциативного компонента в виде невротического (иногда психотического) фактора, динамизирующего это потенциальное состояние в активное, в эвроактивное (по нашей терминологии), которое нами рассматривается, как некая биологическая реакция, являющаяся результатом антагонизма вышеупомянутых 2-х биологических компонентов*) и, следовательно, определяется ими.

Итак, этот творческий процесс (эвроактивность) есть органическая функция личности, у которой имеются эти 2 биологические особенности. Имеются ли эти особенности у изобретателей? На этот вопрос, мы должны дать здесь ответ утвердительный.

Не надо быть особенным специалистом-невропатологом или психопатологом, чтоб заметить весьма ярко бросающийся в глаза факт, при наблюдении за изобретателями, который дает нам возможность выделять их в особую группу людей. Факт этот—та особая нервность, тот особенный «зуд» изобретателя,

*) См. 1-й и 2-й вып. Клинич. Архива Ген. п Одар. за 1925 г., а также 1-й вып. 26 года соотвеств. статьи (8), (9), (12).

который делает его вечно беспокойным, гонит его к вечным исканиям нового. Ищет ли он это новое в новых конструкциях машин или же в бесплодных исканиях «вечного двигателя» — всегда этот тип человека заряжен одним и тем же «священным огнем покоя», заставляющим его стихийно отдаваться тем процессам, для которых у нас существует глагол «изобретать», независимо от того, будут им достигнуты какие-либо результаты или нет.

Вся общая литература об изобретателях пестрит этими данными, говорящими за то, что изобретатели резко выделяются среди других людей своим особым нервно-психическим укладом. А те, которым приходится постоянно иметь дело или сталкиваться с ними ближе, могут на этот счет сказать очень многое. Итак, нет сомнения в том, что повышенная нервозность и есть тот изобретательский «зуд», которым они отличаются от других людей, не изобретателей.

Вот эта-то особая нервозность и есть тот «патоидный фермент» в крови этих людей, который дает нам право выделять их в особый тип Homo Sapiens, в особый клинико-биологический тип невротика.

Но это не просто невротик, каких есть тысячи, это особый тип невротика с особой биологической функцией, нервная энергия которого толкает его к эвроактивности — изобретать: менять существующие средства борьбы с природой, менять орудия производства и проч. Здесь, следовательно, мы имеем особый тип творческого невротика — эвроневротика, динамическая функция которого направлена на искания новых технических оформлений.

Каждый изобретатель есть прежде всего эвроневротик с особым уклоном на техническое творчество, следовательно, по своему биологическому состоянию должен рассматриваться, как особый тип эвроневротика. Под названием эвроневротик мы подразумеваем в отличие от простых невротиков тех, у которых имеется творческий компонент (компонент «эвро»), который органически связан с его неврозом (или психоневрозом, или с пре-психотическим состоянием). Под этим понятием мы, следовательно, выделяем особый тип «творческого невротика». На такое выделение в особый такой вид эвроневротика мы имеем полное основание.

Freud, как известно, выделил невротика, у которого вытесненные сексуальные комплексы замещаются творчеством, следовательно, этим самым мы подразумеваем, что существуют невротики, у которых такого замещения нет, следовательно, есть невротики не — творческого типа.

Adler указал на то, что творческое стремление у невротиков и людей с дефектами органов, является компенсацией этих дефектов. Но, ведь, мы знаем людей с дефективными органами, у которых нет такого компенсирования творческими комплексами; также все те многочисленные авторы, которые связывают так или иначе невротическое состояние с творчеством, всегда имеют в виду и таких невротиков (или психотиков), у которых творческого комплекса не бывает.

Из всего этого следует, что тех невротиков, у которых есть такая связь с творческим комплексом, мы имеем право выделить в отдельную группу, как эвроневротиков.

Поясним, почему это название лучше и ближе всего подходит к изобретателю и что оно нам практически дает.

Понятие «эвроневротик» прежде всего включает 2 биологические, наиболее характерные, наиболее выпуклые особенности, которые у нас возникают в представлении, когда мы говорим об изобретателях. Прежде всего, творческий компонент— «эвро»-потребность выявить это творчество, сделать активным этот компонент.

2-я особенность, вышеупомянутая нервозность изобретателя («изобретательский зуд»), которая служит той динамической силой, толкающей к эвроактивности изобретателя.

Если первый компонент нами уже неоднократно трактовался, как кумулятивный компонент, то 2-й компонент трактовался нами, как диссоциативный (см. мои работы в выпусках Арх. Ген. т. I).

Название «эвроневротик», таким образом, дает нам представление, как о некоем биологическом типе, имеющем вышеупомянутые 2 основные признака, независимо от того, сумел ли данный тип довести свою эвроактивность до «победного конца», до изобретения—или нет.

Практически для нас важно введение этого понятия, поскольку это позволяет нам ввести четкое определение этого термина, где бы включены были все существенные признаки всех элементов творчества (личности, процесса, результатов этого процесса). Также практически для нас важно введение этого понятия постольку, поскольку необходимо иметь биологические признаки, чтоб отличить «настоящего» изобретателя от ложного. Если изобретатель *suí generis* есть эвроневротик, то этим дана его биологическая структура—он «настоящий» изобретатель. Если же он не эвроневротик, то он не изобретатель, а псевдо-изобретатель. При чем, опять-таки, надо здесь еще раз подчеркнуть, что «настоящий» изобретатель может «изобретать», но не дать реальных результатов полезности; и, наоборот, псевдо-изобретатель может дать какое-нибудь полезное усовершенствование, но еще не быть тем эвроневротиком, о котором мы говорим. Правда, каждый псевдо изобретатель, следовательно, каждый псевдо-эвроневротик может при известных условиях стать настоящим эвроневротиком. Для нас важно здесь подчеркнуть наличие процесса эвроактивности, а не результат. Конечно, практик смотрит только с точки зрения полезности конечных результатов, но эвропатолог ставит этот вопрос шире, поскольку для него предстоит в будущем задача возможности бесплодного эвроневротика сделать плодотворным и полезным для общества, и этим самым расширяет социальную значимость вопроса.

Итак, на основании вышесказанного, в понятие «изобретатель» мы должны включить следующие признаки:

1. Существенные биологические признаки, в данном случае: невротический компонент, окрашивающий биологию изобретателя и динамизирующий энергию технической одаренности.

2. Признак эвроактивности, характеризующий творческий процесс, как таковой.

3. Наличие признаков результата этого процесса, изобретение.

Тогда с нашей точки зрения мы можем понятию «изобретатель» дать такое определение:

Изобретатель есть эвроневротик, у которого техническая одаренность имеет специфическую тенденцию под влиянием невротизма активироваться в новые технические оформления, независимо от того, оформляются новые или старые технические идеи.

Если это положение формулировать короче, то мы можем сказать: изобретатель есть эвроневротик новых технических оформлений.

Читатель имеет право спросить: что даст нам теоретически и практически такое определение понятия «изобретатель»?

1. Прежде всего в этом определении расширяется, о б'ем понятия: мы можем включить в понятие «изобретатель» всех без исключения изобретателей, независимо от их ранга, квалификации, ценности и проч. Этим дана возможность рациональной и научной классификации изобретателей (как мы это увидим ниже).

2. Мы имеем в этом определении более полное содержание понятия, где включены биологические, эвропатологические, социологические и практико-технические моменты этого понятия, что вскрывает нам глубже сущность изобретательства и дает возможность раскрыть более широкие перспективы научного подхода, постановки вопроса, анализа отдельных моментов творческого механизма изобретательства и проч., и проч.

3. Этим определением указана органическая связь изобретателей с миром других творческих личностей (поэтов, художников и проч.), которые также являются эвроневротиками, но с другими специфическими тенденциями: во всяком случае мы знаем, при таком определении понятия, что их объединяет и что их различает.

4. Благодаря всему этому, дается возможность осветить и расширить практическую значимость и социальную ценность тех или других групп изобретателей. Вообще же такое определение понятия дает нам более богатые перспективы научной постановки вопроса и более полного анализа изобретательства.

III. Классификация изобретателей.

Из предыдущей главы мы уже видели, что в отношении массы изобретателей может быть двоякая точка зрения.

1. Практическая точка зрения инженера-практика, которая, в сущности, покрывается точкой зрения социальной ценности. Здесь критерием служит практическая ценность технической приложимости результатов изобретения для данного момента.

2. Точка зрения биологическая (resp. эвропатологическая), где главным критерием являются биологические особенности личности изобретателя (независимо от того, ценное он изобрел или нет; следовательно, независимо от того, является ли он ценным для общества или нет).

В зависимости от того, какой из этих точек зрения мы будем придерживаться, мы будем иметь ту или иную классификацию изобретателей. Конечно, практику-инженеру для его повседневных надобностей удобнее всего следовать классификации по первому принципу, по которому все изобретатели делятся на практически годных и негодных, включая в число «негодных» громадное число изобретателей, которые по тем или иным причинам не могут дать эффекта полезности в данный момент, а на самом деле весьма ценные изобретатели. Во многих случаях эти «негодные», с такой точки зрения, квалифицируются и некоторыми теоретиками так же, как «больные» в отличие от первых — «здоровых», при чем в число больных изобретателей включаются также изобретатели «вечного двигателя» и прочие эксцентричные и экзотические изобретатели.

Но такая классификация практика слишком примитивна и не научна. Мы увидим ниже, что классификация возможна более научная и в то же время практически более целесообразная и для практика.

К л а с с и ф и к а ц и я б и о л о г и ч е с к а я дает нам (как мы увидим ниже) более широкие перспективы для научной классификации как для эвропатолога теоретика, так и для социолога и технического практика, а потому перейдем к рассмотрению этой классификации.

Выше (в предыдущей главе) мы уже отмечали то положение, что каждый изобретатель есть по своей сущности э в р о н е в р о т и к и что он имеет два основных биологических признака: невротизм и эвроактивность, причем сама эта творческая эвроактивность, как мы это увидим ниже, есть результат своеобразной динамической функции невротизма (а иногда и психотизма или препсихотизма). Этот невротизм и определяет динамику и характер эвроактивности, смотря по тому, какое конституциональное начало определяет этот невротизм. Если невротизм у данного типа изобретателя определяется эпилептоидным конституциональным началом, то и эвродинамика данного типа и его творческого психомеханизма будет носить характер эпилептоидный.

Если невротизм у данного типа изобретателя определяется шизоидным конституциональным началом, то и эвродинамика данного типа и его творческого механизма будет носить характер шизоидный и т. д., и т. д.

Следовательно, тип данного изобретателя в отношении его эвродинамики, психомеханизма изобретательства и результатов творчества всецело определяется его психоконституцией (подробнее об этом смотр. ниже). Отсюда мы и имеем возможность построить биологическую (вернее, конституционально-биологическую) классификацию изобретателей.

Следуя этому принципу, мы будем иметь такую классификацию изобретателей:

1.	Изобретатели эвроневротики	эпилептоидного типа
2.	»	» Шизоидного
3.	»	» Параноидного
4.	»	» Циклоидного
5.	»	» Смешанного

Каждый такой тип, как это мы увидим ниже, будет отличаться и своей симптоматологией личности, и своим особым характером изобретательства, а также своим особым характером практической и социальной значимости изобретения. Следовательно, при такой классификации мы углубляем понимание и возможность изучения социальной ценности данного изобретателя или его неполноценности. Мы увидим далее, что в зависимости от того или иного конституционального типа мы будем иметь тип изобретателя, дающего полноценное общественно-полезное творчество (эвропозитивный тип изобретателя), или относительно малоценное творчество (относительно европозитивный тип), или же тип изобретателя с абсолютно малоценным и бесплодным творчеством (эвронегативный тип изобретателя).

Это дает нам возможность дать биологическое основание для более углубленной и полной классификации изобретателей под углом зрения их социальной ценности. Под этим углом зрения (не теряя связь с биологическим принципом деления) мы имеем возможность делить изобретателей на следующие 3 большие группы:

1. Изобретатели-эвроневротики с полноценной продуктивностью (эвропозитивные типы).
2. Изобретатели-эвроневротики с относительно малоценной продуктивностью (относительно бесплодные, относительно европозитивные типы).
3. Изобретатели-эвроневротики с абсолютно малоценной продуктивностью (абсолютно бесплодные типы или абсолютно эвронегативные типы).

К первой группе в этой классификации относятся все те, которые с точки зрения практиков подходят под понятие «настоящих» или «здоровых» изобретателей, просто потому, что здесь практик применяет очевидную пригодность и утилитарность изобретения для настоящего дня.

Ко второй группе относятся все те, которых мы выделяем, как группу относительно малоценных и относительно бесплодных потому, что эти типы свое изобретение (часто весьма ценное) не могут довести до конца, вследствие особенностей их психической конституции (см. об этом ниже), или же сюда относятся изобретатели, которые для данного времени лишь являются «утопистами», вследствие того, что они со своими изобретательскими тенденциями являются слишком рано, несвоевременно, когда еще нет для их изобретения достаточно твердых, в научном отношении, предпосылок, а потому слывут, как бы почвенны: утописты (например, попытки изобретения летательных аппаратов в то время, когда еще не было современных моторов, употребляемых в авиации). Или же сюда можно отнести целый ряд изобретателей, без лоднсть которых может быть устранена соответствующей эвротерапией и проч.

Словом, сюда относится целый ряд изобретателей, которые имеют для общества относительную ценность или вследствие того, что их можно, благодаря эвротерапии или другими мерами сделать для общества ценными; или же они являются ценными, как некий этап в развитии изобретения (хотя сами по себе не дают результатов, но идея их служит толчком или предпосылкой для открытия больших изобретений). Такие типы хотя и являются бесплодными для практика данного момента, но в смысле их социальной ценности имеют громадное значение.

3-ю группу представляют все те изобретатели с явно бессмысленными, беспочвенными тенденциями (как например, изобретатели «вечного двигателя»), которые не представляют абсолютно никакой ценности. Это те душевнобольные изобретатели, для которых всякая эвротерапия бесполезна, но которые представляют интерес для теоретика эропатолога.

В свою очередь изобретатели-эропнеэрототики, принадлежащие к группе полноценных, разделяются по характеру творчества на следующие три группы:

1-я группа изобретателей, которая создает новые технические оформления для новых целей приложения (напр., создание паровой машины есть новое техническое оформление, в одно и то же время создало новые формы приложения или новые идеи применения).

2-я группа изобретателей, которые создают новые технические оформления для уже известных целей применения (напр., для уже давно известной цели книгопечатания изобретаются новые машины).

3-я группа изобретателей, которые создают с помощью старых, уже известных технических оформлений новые цели применения, новые идеи приложения и использования (например, подводная лодка).

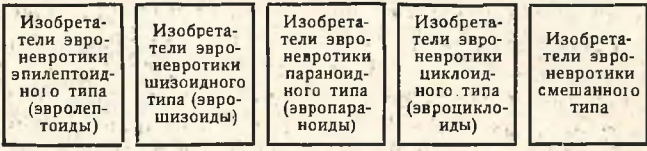
Все эти группы (полноценных, относительно малоценных и абсолютно малоценных), несмотря на различие точек зрения, положенных в основу вышеприведенных классификаций, объединяются одной общей конституциональной базой. Одна и та же конституциональная база может дать в хорошо компенсированных случаях полноценный тип изобретателя; в недостаточно компенсированных случаях—относительно малоценный тип, а в плохо компенсированных случаях—абсолютно малоценный тип изобретателя. Все эти соотношения иллюстрируются в следующей схеме классификации типов изобретателей. (см. стр. 18)

17

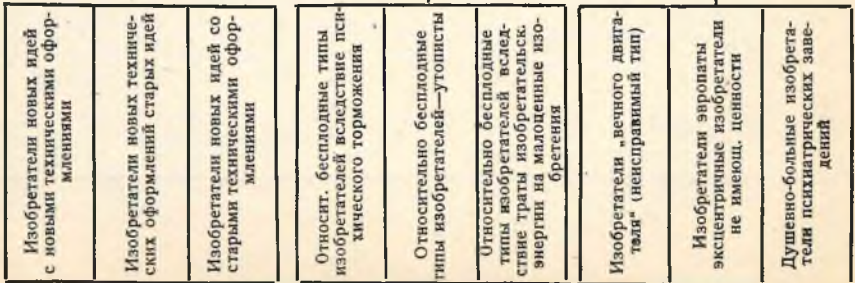
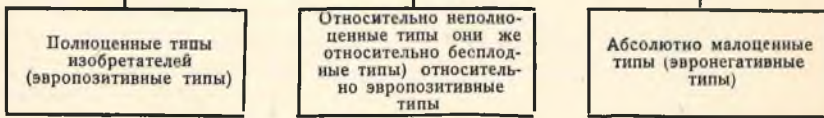
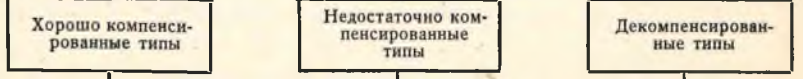
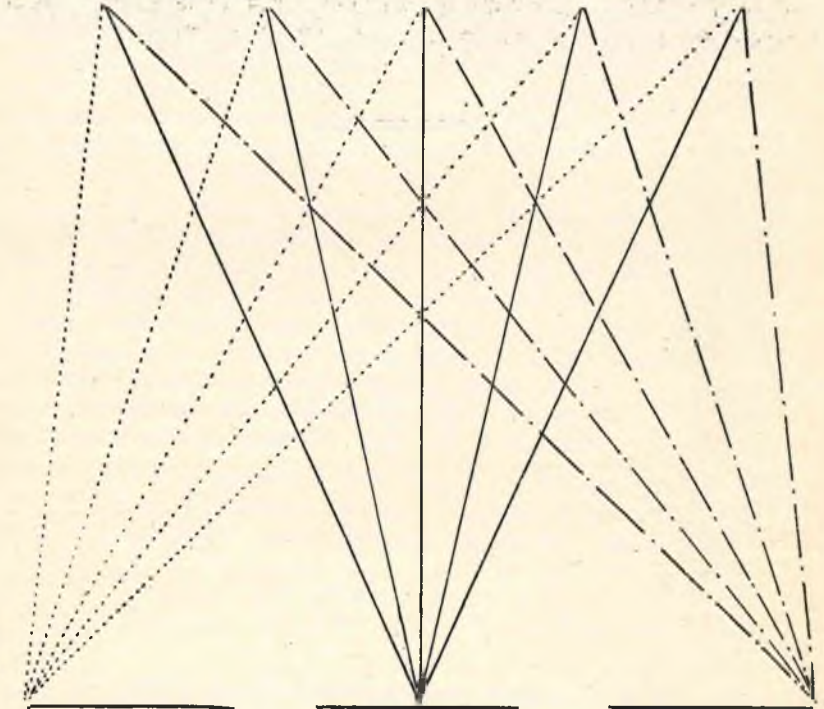
С Х Е М А

ЭВРОПАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ.

I. Классификация с точки зрения биологической

II. Классификация с точки зрения социальной ценности

IV. Биогенез изобретателя.

Прежде всего возникает вопрос о генетических моментах изобретателя—имеются ли здесь какие-либо специфические моменты со стороны психогенеза и биогенеза? Kiel olz в своей работе *Genese und Dynamik des Erfindervahns* (2), где он исследовал шизофренических изобретателей, пришел к следующему заключению (с точки зрения психоаналитической). Активный изобретатель стремится создать «гениталии его производителей, в состоянии их деятельности».

Этот автор находит, что «продукция шизофренических изобретателей составляет часть их бредовой системы, которая базируется на неразрешенных психо-сексуальных конфликтах». «Образы и функции отцовских гениталий суть предпочитаемые объекты их внимания. Некоторые детали обнаруживают анально-эротические моменты».

Далее, этот автор приходит к заключению, что эти же самые психо-сексуальные механизмы нужно отнести и к так называемым нормальным изобретателям».

Tramer (1), не отрицая значение сексуального момента вообще, справедливо отмечает необоснованность утверждения Kielholz'a—Сексуальный механизм изобретательства он доказать не мог, а утверждение его есть только произвольная натяжка одного из тех рьяных Freud'ианцев, которые «перегибают палку». Мы вместе с Tramer'ом не отрицаем значения Freud'овского учения в вопросах творчества, и вообще во всех психических переживаниях трудно абсолютно исключить те или иные психо-сексуальные переживания, однако, свести все явления к одному знаменателю—в данном случае техническое творчество и изобретательства—к сексуальным переживаниям — есть большая натяжка. Даже если удастся кому-либо из психоаналитиков доказать связь сексуального механизма с техническим творчеством, то и тогда, говорит Tramer, это не есть окончательное разрешение вопроса, а только часть его. Сексуальный механизм недостаточен, говорит он, кого-либо сделать изобретателем. Во всяком случае, на своем материале Tramer не мог констатировать эту связь (если не считать 1-2 случаев, где сексуальный момент имел второстепенное значение).

Sommer (3) в вопросах генеза изобретательских способностей признает особую психическую способность, которую он называет *Mechanisches Sinn*» (механическое чувство в буквальном переводе), или вернее было бы перевести: «техническое чувство», под которым он подразумевает способность технического оформления. Эту способность он считает прирожденной и совершенно независимой от способности создавать новые изобретательские идеи. Из этого мы видим, что Sommer выделяет

способность технического оформления, как особую способность, но не дает точного геноза, почему это чувство разбивается у одних и нет его у других. Сексуальная теория Kielholz'a также не может удовлетворить нас. Вопрос о генозе этого чувства в литературе, как мы видим, недостаточно освещен и остается пока открытым. Однако, кой-какие моменты геноза мы все-таки можем здесь отметить на основании наших наблюдений и изучений.

Проблема геноза изобретательских способностей распадается сама по себе на целый ряд вопросов, а именно:

1. Из какой среды выходят люди с изобретательскими способностями.

2. Что заставляет изобретателя выбирать это творчество, а не другое.

3. Вопрос о патогенезе изобретателя.

На первые два вопроса мы должны дать следующий ответ.

Изобретатели в большинстве случаев суть выходцы из тех слоев общества, которые по своему социальному положению выдерживают наиболее острую борьбу за существование: рабочие, ремесленники, мелко-буржуазные элементы городского населения, городская интеллигенция, меньше крестьянство, а еще меньше другие классы. Такие изобретатели, вроде графа Цепелина, выходца из аристократии, есть редкое явление. Зато Эдиссоны и Стефенсоны—большие или маленькие—всегда выходцы из рабочих слоев города и заводов или выходцы из интеллигенции и мелко-буржуазных слоев города. Это не есть случайное явление—здесь играет роль тот динамический момент, который гонит наиболее обездоленные классы людей бороться за лучшее будущее. Феодалу или крупному миллионеру, магнату нечего «изобретать». Психология изобретательства присуща людям, которых угнетают или стихия природы, или люди из богатых слоев с помощью этих же стихий. «Голь на выдумки хитра» есть старая народная формула геноза изобретательства. Вековая изощренность против угнетателя вырабатывает у них кумуляцию изобретательской изощренности. Эта кумуляция, главным образом, направлена на те стороны жизни, которые являются наиболее реальными и повседневными, вот почему орудия в борьбе с природой и в борьбе за существование, за лучшее будущее являются теми ближайшими объектами, куда направляется изобретательское творчество этих слоев. Можно говорить о специфической технической одаренности в смысле Sommer'a, как специфическом орудии, вырабатываемом в борьбе за существование. Кумуляция этой технической одаренности, несомненно, происходит из поколения в поколение, пока не разрядится у отдельных представителей своего класса по тем или иным механизмам. Мы должны поэтому согласиться с мнением Sommer'a, что имеется особое чувство—«техническое чувство» («Ме-

chanisches Sinn»), но должны добавить к этому в вопросе генеза, что оно кумулируется наиболее у тех классов, которые больше всего выдерживают борьбу за существование. Ведь, не случайно же явление, что в то время, как лорды Англии выделяли поэтов (Байрон, Биконсфильд и пр.), философов (Бэкон), рабочие Англии выделяли своих Стефенсонов, Фарадеев и проч., и, несомненно, такие Стефенсоны являются выразителями технической кумуляции определенного класса, где эта кумуляция растет из поколения в поколение. Это еще, конечно, не значит, что из этой же среды (рабочих, городских интеллигентов, мелкой буржуазии) нет творчества поэтического, художественного и проч. Мы хотим только сказать, что у этих классов техническое творчество является наиболее заостренным.

Техническую одаренность угнетенных масс мы должны рассматривать, как компенсаторное явление социального и национального угнетения этих масс. Если по теории Адлера творчество вообще есть компенсация дефективных органов данного индивидуума, то здесь развитие органов, обуславливающих обострение технической одаренности, есть биологическая компенсация недостаточности и дефектов, вызываемых социальным угнетением. В данном случае, следовательно, как реакция на это угнетение, обостряется изобретательская одаренность для преодоления этого угнетения. Чем острее социальные и национальные противоречия, тем больше кумулируется техническая одаренность, как психическая компенсация в неравной борьбе. Здесь, как и во всех других явлениях природы и социальной жизни, высшее развитие технической одаренности является результатом диалектичности этих явлений, а высшая культура техники рождается в борьбе антагонизирующих сил, как высший синтез этой борьбы.

В отношении освещения генеза изобретательства довольно поучительным является изучение рабфаковцев. Нам лично пришлось обследовать до 120 человек окончивших рабфак свердловского политехнического института на предмет консультации в выборе факультета в ВУЗ.

Надо отметить, что окончили рабфак уже те, которые прошли естественный отсев по успеваемости, т.-е., кончили те, которые оказались наиболее способными. При разборе этой рабфакской массы с другой целью, нас, между прочим, интересовал вопрос, откуда происходят эти массы, т.-е., из каких слоев рабочих, служащих или крестьян. Есть ли это рабочие квалифицированные или мало квалифицированные, или совсем не квалифицированные.

При обследовании этого вопроса оказалось следующее— в громадном большинстве случаев (приблизительно до 75 проц.) это были дети рабочих, которые на своем предприятии выделялись как «смекалистые», т.-е., как рабочие, которые на своем предприятии сльвут или как изобретатели, или как ра-

бочие, естественные выдвиженцы, выдвинувшиеся из чернорабочих данного предприятия, благодаря своей смекалке в высоко квалифицированные мастера. Дети таких выдвиженцев и являются в большинстве рабфаковцы, которые идут в технические ВУЗ'ы как продолжатели естественного выдвижения «рабочей смекалки». И это обстоятельство тем более замечательно, что рабфаковцы идут по своим естественным наклонностям—в технические ВУЗ'ы, а не в ВУЗ'ы гуманитарных или других факультетов, при чем выбирают себе часто то производство, на котором отец проработал всю жизнь, начав с чернорабочего и дойдя до старшего мастера. Сын его, рабфаковец, таким образом, бессознательно стремится завершить лестницу «технического роста» вверх к достижению «технических высот»—званию инженера. Эта замечательная особенность в естественной эволюции рабочей «смекалки»—говорит за то, что начавшаяся кумуляция технических способностей в простом чернорабочем (большой частью крестьянин-чернорабочий), бессознательно стремится к росту; достигнув известного предела в известных условиях возможного роста, продолжает кумулироваться и расти вверх и в последующих поколениях в лице рабфаковца-инженера, чтобы затем этот рост кумуляции продолжался дальше. Несомненно, будущие дети рабфаковцев при дальнейшем благоприятном росте кумуляции должны будут дать техников более квалифицированных в смысле технических способностей.

Во всех этих случаях мы видим факты кумуляции технической одаренности тех «выдвиженцев», которые нам дают возможность понять генез накопления технической одаренности, и из которых выходят изобретатели.

Что касается вопроса о патогенезе, т. е., вопроса, откуда берется компонент невротический, то здесь мы можем ответить так же, как мы уже отвечали относительно других творческих групп, а именно—что невротический компонент наследуется от отца или матери вместе с кумулятивным компонентом одаренности с той только разницей, что здесь наследуется вместе с невротическим компонентом кумулятивный компонент изобретательской одаренности (об отдельных формах диссоциативного компонента см. в главах об отдельных типах).

Суммируя все сказанное о генезе изобретательских масс, мы можем сказать следующее: техническое творчество (изобретательство) есть результат особого технического чувства (*Mechanisches Sinn Sommerg'a*), которое филогенетически есть одно из древних чувств (*Trauer* (1)). Кумулируясь, больше всего в среде, подверженной наиболее острой борьбе за существование (рабочих и проч.), это чувство имеет тенденцию под влиянием невротических факторов разрядиться в лице изобретателей, которые являются выразителями этого эвроактивного разряда (см. (1) (2)).

У. Типы изобретателей-эвроневротиков с полноценной продуктивностью (эвропозитивные типы).

Согласно вышеупомянутой схеме классификации типов изобретателей, рассмотрим здесь сначала ту большую группу, которая является социально-полноценной в смысле полноценности продукции. Это, следовательно, та большая группа изобретателей, которые своими изобретениями попадают в оценку специалистов техников с социально полезными изобретениями, получают патенты, попадают той или иной положительной оценке, поэтому мы их выделяем как европозитивные группы в отличие от тех эвронегативных групп, которые изобретают, но абсолютно никакой ценности с точки зрения практической их приложимости не представляют. Мы эти типы здесь рассматриваем с конституционально-биологической точки зрения. Рассмотрим здесь, как их изобретательские особенности преломляются сквозь призму биологической конституции.

1. Эпилептоидный тип изобретателя (эвролептоидный тип).

Эту группу изобретателей мы выделяем как эпилептоидный тип потому, что конституционально-биологическая структура личности этой группы характеризуется всеми теми особенностями, которые присущи эпилептоиду в клиническом смысле. Необязательно, чтобы эта личность была подвержена тем припадкам, которые свойственны эпилептоиду. Здесь для нас важна присущая им характеристика, которая клинически выделяется как эпилептоидная психика,—следовательно, мы имеем здесь дело с невротиками-эпилептоидного типа. Такой невротический компонент, согласно нашей точки зрения, играет динамическую роль в эвроактивности невротиков. Здесь мы будем иметь особую форму этой эвродинамики, обусловленной специфическим эпилептоидным началом. Вот почему мы этот тип выделяем как эпилептоидный тип изобретателя или сокращенно, определяем как изобретателя эвролептоида. В генетическом отношении эта группа имеет довольно определенный тип наследственности: эпилептоиды чаще всего дети или внуки того или иного вида алкоголизма. При чем, что замечательно в отношении изучения патогенеза этого типа, невротический компонент (диссоциативный компонент) чаще всего наследуется с отцовской стороны, в то время как кумулятивный компонент (техническая одаренность) может быть унаследован с обеих сторон.

В количественном отношении, среди общей массы изобретателей, эпилептоидный тип, в сравнении с другими типами, является не многочисленным.

Характерной особенностью этого типа эвро-невротика со стороны нервно-психической сферы, является эксплозивность всех психических реакций. Эпилептоид может быть с виду очень спокоен и выдержан в своем поведении, но только внешне. На самом деле это человек, который весь как бы состоит из горючего материала; стоит только появиться какому-нибудь внешнему раздражителю (какое-либо событие в жизни и вовсе не из ряда вон выходящее) как данный человек дает эксплозивную реакцию: повышенного аффекта, вспыльчивости, раздражительности, повышенной ажитации, повышенной говорливости и т. д. Важно в этом типе отметить состояние психики, которую мы описали как состояние полярности психических реакций (13). Такой человек если отдается власти какого-нибудь комплекса, то он отдается со страстностью, с фанатической преданностью, при чем здесь играет роль такого толкача повышенной эмоции—перманентный аффект.

Этот тип с виду человек с блестящими широкооткрытыми, восторженными глазами, иногда чуть-чуть на выкате (Exorthalmus) широкие зрачки, пронзительный взгляд. Общий вид этих людей—постоянная напряженность и повышенный тонус психики. Можно про них сказать в некоторых случаях, что этот тип имеет такую установку, которую можно было бы охарактеризовать как установку на постоянную готовность обороны—нападения. (Настороженность к нападению, Kampfbereitschaft—у немцев).

Можно о них говорить как об оффензивном типе (если противополлагать дефензивному типу).

Когда такой человек объясняет Вам или защищает свой проект или идею изобретения, Вы чувствуете, что он на Вас «наступает» в противоположность другому существующему типу, о котором будет речь дальше, где Вы увидите обратное положение: изобретатель робко защищает свой проект (дефензивный тип). Вы в данном случае «наступаете» легко на него, он дает Вам эту возможность, несмотря на то, что его изобретение дает ему основание быть «наступающим». Возражение или спор с таким человеком эпилептоидной психики вызывает у него более бурную реакцию, нежели это нужно было бы: вспыльчивость, эксплозивность, трудно скрываемая раздражительность или склонность настойчиво и упрямо отстоять во время спора свои позиции, несмотря на очевидную нелепость некоторых его положений. К своему изобретению проявляет порядочную доску энтузиазма, несмотря на то, что часто изобретаемый им объект не соответствует тому большому значению, которое ему придает. Чувствует большую потребность вывещения своего энтузиазма перед кем-нибудь («излить свою душу») и чем

больше Вы готовы его слушать, тем более он Вами удовлетворен. Но если Вы проявляете критику, неодобрение, то Вы легко можете попасть в число его недоброжелателей. Работает он над своим изобретением порывисто, страстно—не знает усталости, проявляет необычайную гипербулию: может работать днями и ночами над своим произведением. Идеи изобретательские появляются у него внезапно, молниеносно, «вдруг», как озарение или как «вдохновение». Такими минутами он очень дорожит, они бывают у него не часто, но они их переживает как необычайное явление. Эти идеи затем долго обрабатываются. Повторно они не появляются. Объекты, изобретаемые таким эвротиком—обычно носят характер развития одной идеи, вытекающей из другой, и составляет одно органическое целое, как стройное логическое построение. У этого типа изобретателя есть тенденция всегда изобретать что-нибудь грандиозное, большое, мелочами заниматься он не любит: потребность к большому размаху и большому строительству. Работать может такой изобретатель буквально день и ночь без усталости, отдаваясь сну лишь на короткое время. Прототипом такого изобретателя—является всем известный Эдиссон. В самом деле, кто имел случай следить за биографией и изобретательской деятельностью Эдиссона, за его бурной, кипучей страстью изобретательства, за его фанатической эксплозивной натурой, не знающей границ изобретательского энтузиазма,—тот может представить себе легко такого эвроневротика-изобретателя эпилептоидного типа.

В большинстве случаев, у наблюдаемых нами изобретателей эпилептоидного типа отмечается склонность изобретать новые технические идеи (новые идеи приложения) с одновременной тенденцией изобрести новые идеи технического оформления в отличие от некоторых нижеприведенных типов (например, циклоидных типов), которые склонны чаще всего изобретать новые идеи технических оформлений (новые конструкции) для старых идей приложения. С другой стороны, этот тип является менее частым, нежели другие, но среди них зато бывают полноценные изобретатели I-го ранга чаще, нежели у других. Замечательно то, что в патогенезе этого типа изобретателей, алкогольная наследственность является наиболее частой. Следовательно, невропатический компонент (диссоциативный компонент) здесь имеет специфический характер. Специфичность заключается в том, что динамика творческой активности (эвроактивность) данной личности получает специфическую окраску, специфическую симптоматику личности и творческого процесса, присущего эпилептоидной личности, а потому этот тип и назван нами как эпилептоидный тип (эвролептоидный тип, сокращенно). Здесь же надо заметить, что, несмотря на частоту алкогольной наследственности (алкогольного патогенеза) в быту Homo Sapiens, эпилептоидная вариация творческой личности бывает чаще

в других областях творчества и реже всего в техническом творчестве; вопрос этот достоин того, чтобы его специально изучили.

Пример изобретателя эпилептоидного типа.

Изобретатель А. А. 38 лет, инженер-механик создал ряд ценных изобретений, давших ему большую известность. Изобретения его патентованы за-границей.

Со стороны наследственности отмечаются следующие данные:

Отец—электромонтер, способный человек в своем деле, алкоголик, страдающий периодическими запоями. Брат его (т.-е., отца) также пьет. Среди родственников отца отмечена частота алкогольной и невропатической отягченности. Со стороны матери этого не отмечается. Отец и брат матери—живописец-художник, при чем брат пользуется репутацией талантливого стилиста в декоративной живописи.

Сам испытуемый перенес корь, скарлатину, коклюш. С малых лет «нервный» ребенок. Чрезвычайно аффективный характер. Уже с 10 лет отмечаются какие-то «припадки бешенства»; однако, учится хорошо, окончил с отличием среднюю школу. С малых лет любовь к техническому конструированию. Игры предпочитает такие, где можно было бы что-нибудь конструировать—детские паровозы, двигатели, автомобили, электрические установки и пр. Чаще всего любил ходить на технические выставки, в технический музей, где впадал, по словам испытуемого, в странное радостное возбуждение, которое потом всегда повторялось во время приступов изобретательства уже взрослым.

«Однажды, когда мне было 12 лет, я посетил выставку машин. Осматривая их, мне было так радостно, так светло на душе, как никогда в моей жизни»... (Только впоследствии, когда я изобретал, мне было так же на душе). Я не знаю, что со мною стало после этого, но когда я очнулся, я был уже дома. Меня привезли без сознания домой... С тех пор я помню свои припадки».

Припадки эти были эпилептоидного характера. Всегда они вызывались аффективными или эмоциональными переживаниями. Припадки эти не имели регулярного характера. Были годы, когда их не было или они были 1 или 2 раза в году. Уже будучи студентом высшей технической школы—страстный изобретатель; изобретает «запоем», может работать несколько дней и ночей подряд, с небольшими перерывами на сон, и так проводит он большую часть своей жизни в мастерской.

О своих переживаниях в период творческих приступов изобретательства, рассказывает следующее:

«Все мои новые изобретательские идеи, из которых большинство с успехом реализовано в жизни, появляются у меня в состоянии непонятного для меня возбуждения и напряжения, которые очень сходны с теми состояниями возбуждения,

появляющимися у меня изредка перед припадком. Я чувствую тогда вместе с этими приступами возбуждения необычайную концентрацию конструктивных идей и образов, до того очевидных по своей простоте, по гармоничности всего целого с деталями, что делается страшно, напряженно и в то же время необычайно радостно... Все это у меня происходит внезапно, молниеносно. Вмиг я делаю набросок чертежа и берусь за работу с упоением страстно влюбленного... На время я забываю весь мир, промежутки дня и ночи сглаживаются, я не знаю усталости неделями, иногда месяцами. Когда я кончил, я тогда только чувствую, что я перешел вершину высокой горы и тогда только начинаю чувствовать потребность отдыха...

Такие приступы у меня бывают не часто... Но один такой заряд хватает на долго... Время от времени у меня бывают такие периоды жизни, когда я чувствую непреодолимый мрак на душе и страх... Тогда я не могу работать. Тогда я сажусь в вагон или в паром и еду сам не знаю куда.. и очнусь потом в незнакомом мне городе... Я считаю эти периоды провалами в моей жизни и в моем творчестве...

2. Шизоидный тип изобретателя (эврошизоидный тип).

Здесь относится та многочисленная и распространенная группа изобретателей эвроневротиков, которая отличается своеобразной психической установкой к жизни и к изобретательству, чем она резко отличается от других типов. Эти же особенности психики дали основание Кречмеру (10) выделить их как группу с определенной психической конституцией, известной нам как шизоидная конституция. Мы, здесь, следовательно, имеем дело с человеком, у которого психические элементы проявляются на основе расщепления этой психики (откуда и название «шизо»). Отсюда все реакции такого человека дисгармоничны: эмоциональные элементы не совпадают с волевыми, волевые с интеллектуальными и т. д. Отсюда получается двойственность и противоречивость реакций, поступков, чувств и проч. (амбивалентность чувств, волевая амбивалентность); отсутствие реальной установки к внешнему миру, отщепенность, замкнутость (аутизм Блейлера). В интеллектуальном отношении создается то состояние, которое известно как аутистическое мышление (Блейлер) (11).

Этот тип изобретателя представляет совершенную противоположность предыдущему (эпилептоидному типу). Здесь мы имеем в противоположность к предыдущему типу—человека чрезвычайно спокойного, холодного, замкнутого. В жизни это человек малозаметный, застенчивый. Общий фон всех его жизненных реакций—недостаточная аффективная окраска в их проявлении. Это тип изобретателя, которого надо искать где-то на задворках. В то время как его антипода эпилептоида искать не приходится. Он сам громко о себе заявляет.

Шизоидный изобретатель не может подчас даже хорошенько заинтересовать своим изобретением—у него скорее по отношению к тем, кто заинтересуется им и его изобретением—дефензивная позиция (а не оффензивная, как у эпилептоида); он робко защищает свой проект или модель и боится как бы не дискредитировать свою идею в глазах заинтересованного посетителя, несмотря на то, что изобретение его подчас представляет большую ценность. Вот почему этот тип производит впечатление чрезвычайно скромного, а потому часто эксплуатируется капиталистом-предпринимателем. Если его изобретение восторжествовало победой признания, то он охотно готов пожертвовать материальными благами, которые можно было бы извлечь из его изобретения. Факт признания его изобретения—высшая его награда и больше ему ничего не надо. Часто такой изобретатель остается нищим, вознаграждая себя аутистически дальнейшими мечтами и возможными воздушными замками, несмотря на то, что мог извлечь большие выгоды для себя и обеспечить себя и семью от голода. Но цель его достигнута, чего же больше желать? Вот поэтому он производит впечатление типа изобретателя-идеалиста, «бессребренника», фантаста—с полным отсутствием «практической жилки», которого легче всего эксплуатировать.

Вот почему этот тип более всего нуждается в социальной помощи во всех отношениях. Этот тип изобретателя замечателен еще и тем, что эмоции его только в процессах изобретательского творчества, разворачиваются полностью и здесь только появляется у него гиперэстезия (это нельзя смешивать с изобретательским экстазом изобретателя эпилептоида), в отношении же его остальной жизни—полная анестезия, или, во всяком случае, отмечается во всех его жизненных реакциях—недостаточная аффективная окраска в их проявлении.

Вместе с «холодом» в отношениях к окружающему миру (к товарищам, жене, детям и проч.) вы замечаете эту анестезию и в отношении к сексуальной жизни; внешний мир его также мало интересует или интересуется постолько, поскольку ему приходится считаться как с фактором его социально-экономической жизни. Но как только он свободен от этих внешних условий, он сейчас же отдается любимой идее, любимым мечтам изобретательства: в своей каморке, где он вытаскивает из-под кровати облюбованную модель, с счастливой улыбкой на лице, он отдается изобретательству, как священнодействию.

Это тип замкнутого изобретателя. Замкнутость его проявляется не только в бытовых отношениях ко всему окружающему, но и в отношении к своему детищу—изобретательству. Шизоидный тип изобретателя есть, прежде всего, изобретатель с аутистической установкой к жизни и эту установку он проявляет в изобретательстве. Поэтому рассмотрим его более подробно с этой стороны.

Как сказано было выше, шизоидный тип человека в основе характеризуется уходом от внешнего реального мира в свой «внутренний», поэтому мышление его (и вообще, интеллектуальная жизнь его) подвержены по Блейлеру особым законам и механизмам.

Законы эти и механизмы в резко выраженной форме господствуют в обычном сновидении, в грезах на яву (как у истеричных), в мифологии, в народных суевериях, у детей, у душевно-больных и вообще везде там, где мышление отклоняется от реального мира. Например: мышление ребенка, воображающего себя на палочке верхом, героем на красивом коне. Мышление душевно-больной, находящейся в психиатрической больнице, воображающей себя принцессой в красивом дворце и т. д. Все это нам кажется бессмыслицей с точки зрения реального логического мышления. Однако, если мы проанализируем все эти состояния, то мы всегда найдем нечто общее во всех этих состояниях, несмотря на пестроту этих воображаемых состояний ребенка, дикаря, душевно-больного, сновидения нормального человека, аутистических представлений теоретика ученого. Все они подчиняются аффективным потребностям или желаниям (а иногда опасениям). Ребенок желает видеть себя на коне и героем, и он это переживает, дикарь желает видеть себя во власти «хороших» духов, он это переживает, душевно-больная хочет во что бы то ни стало преодолеть свое несчастье тем, что она сделается всемогущей принцессой и это она переживает, реализует, не считаясь ни с какими противоречиями действительности. Таким образом, закономерно для такого рода мышления—подчинение мысли аффекту сильного желания, устранение всех реальных препятствий—превращает невозможное в возможное и осуществляет его в новую реальность.

Такого рода мышление, названное Блейлером аутистическим—по существу своему тенденциозно, предвзято-аффективно, даже насильственно. Цель такого предвзято-аффективного мышления достигается тем, что ассоциациям, соответствующим этой цели, прокладывается путь, ассоциации же, противоречащие этому стремлению—тормозятся. Те же самые механизмы, благодаря которым создается возможность влияния аффектов, сильного желания: у ребенка—быть героем, на коне, у больной—быть принцессой,—создают условия, благодаря которым реальное представление действительности затормаживается, насильственно устраняется.

Такому же аффективному желанию—преобразовать в техническом смысле реальные соотношения вещей—подвержен изобретатель аутист шизоидного типа. Все прочие эмоции, желание, заторможены, притуплены, за счет чего аффективное желание изобретать приобретает яркую гиперэстезию, а стремление реализовать эти желания хотя бы ценой жизни прини-

мает фанатический характер непреодолимого тяготения. Однако, здесь нет страсти и экстаза эпилептоида, которые обусловливаются эпилептоидной полярностью эмоций,—здесь «холодный» пафос, энтузиазм, обусловленный гиперэстэзией. Там—огонь страсти, пламя яркого горения; здесь—необычайная чувствительность тяготения к процессу изобретательства, независимо от результатов этого процесса. Исход этого процесса может быть: и великое изобретение и «пустячку», не стоящий большого внимания, и «перпетуум мобиле». Эпилептоида «вдохновляют» только грандиозные результаты и последствия такого большого изобретения ошеломляют его, взвинчивают его страстную натуру; у шизоида—это на заднем плане, для него важен самый процесс переживания в момент его гиперэстэзии изобретательства, а последствия? Он их изживает преждевременно в своих мечтах, в своих аутистических фантазиях еще прежде, чем он довел свое изобретение до конца и этим он уже удовлетворен.

Шизоидный тип изобретателя, таким образом, есть по существу изобретатель-аутист. Изобретатель аутист в нормальных условиях оперирует с реальными понятиями точно так же, как и другие типы изобретателей. Но в то время как у других это реальное понятие остается всегда в пределах реального до конца, здесь у изобретателей аутистов эти понятия служат только исходным пунктом для целого ряда других механизмов изобретательского мышления. Изобретатель аутист иначе относится к объекту своего изобретательства, нежели изобретатель с реальным мышлением. Объекты реального мира дают толчок-раздражение мышлению аутиста-изобретателя, фантазия его начинает на основании этого раздражения развертывать аутистически какую-нибудь идею, но эта идея отклоняется в сторону настолько, что данная реальность, давшая толчок этой цепи представлений, совершенно утрачивает свое первоначальное значение.

Изобретатель-аутист проектирует и приспособляет продукты своей фантазии к реальному миру (или, вернее, к соотношениям вещей реального мира). Грубо выражаясь, он навязывает природе свои фантазии, в то время как изобретатель циклоид (или циклотимического склада) старается подчинить свое мышление реальным соотношениям и закономерностям внешнего мира: старается быть «объективным».

Шизоидный изобретатель-аутист, так сказать, не подчиняет свое изобретательское мышление подражанию объективных условий, но он стремится найти объективный результат (его изобретение) через аутистический механизм расщепленного (диссоциативного) мышления. Какие преимущества он находит в таком механизме изобретения—мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе. Здесь мы отмечаем механизм его изобретательского мышления. Такого рода аутистический механизм

изобретательского мышления проявляется в самых различных формах и тут можно было бы установить ряд типовых форм этого мышления, в пределах которых они варьируют. Остановившись на этих различных формах мы здесь не будем, а укажем, как пример—общее построение такого мышления.

Какое-нибудь явление природы, скажем, падение громадных водных масс водопада раздражает (если можно так выразиться) изобретателя к созданию механизма использования силы водопада. Сила водопадов современной техникой использована по всем данным современной науки, т.-е., согласно правилам реального мышления. Для изобретателя с реальным мышлением (циклоидного, resp. циклотимического склада) явление водопада может дать толчок его изобретательской мысли в том направлении, в котором современная наука мыслит на этот счет. Он строго будет придерживаться тех норм и устоев, которые установлены наукой на этот счет, он постарается исходить из готовых предпосылок для этих норм, его «логика» следует той логике вещей, которую он видит в реализованных уже установках и системах, и его изобретательская мысль будет работать в пределах логики этих систем. В лучшем случае он проверит эту систему «своей собственной логикой», насколько эта система точно следует установленным данным и потом лишь перейдет к своей комбинации изобретательской мысли, которая доведет до логического конца его изобретения.

Другое—изобретатель аутист. Даже будучи человеком весьма образованным в техническом отношении его изобретательскую мысль вид водопада раздражает совершенно иначе. Увидя в данную минуту водопад, может быть, в сотый раз, он прежде всего воспринимает его так, как будто в первый раз в своей жизни, т.-е., он созерцает его «наивными» глазами (как выражаются живописцы художники). Переводя это «наивное» созерцание на язык психиатрии, это будет означать, что данный субъект воспринимает данное явление расщепленно, аутистически. В данном случае данный субъект, поддаваясь невольному шизоидированию своей личности, отбрасывает свой личный опыт, приобретенный за все свое время сознательной жизни, на миг как бы забывает весь тот умственный багаж, который он в своей жизни приобретал. Это не есть амнезия эпилептиков или истеричных, это есть отщепление аутиста от реального мира, от реально приобретенных знаний. Отщепившись, таким образом, от реального мира—это не значит, что созерцаемый водопад исчез из его поля зрения,—наоборот, он дал ему толчок новых видений, унес его в какой-то новый мир фантастики, где происходит зарождение творческой идеи. Таким образом, внешний раздражитель — водопад здесь послужил лишь толчком аутистически-творческих переживаний; в дальнейшем развитии он роли в творческом комплексе не играет.

Реальное изобретение этого типа изобретателя определяется синтезом следующих 2-х факторов:

1. Первоначальным раздражителем внешнего мира, дающим толчок (или идею) для аутистически-творческого переживания.

2. Аутистической переработки этого раздражителя, подготовляющей творческий комплекс.

В синтезе этих 2-х факторов, однако, изобретается реально-полезное творчество изобретения. Путь творческого процесса, таким образом, происходит от реального через аутистическое переживание опять к реальному. Это «нормальный» путь аутиста изобретателя.

Другой тип аутиста изобретателя мы имеем в других случаях, где так же, как у вышеописанного типа, реальная жизнь, реальный раздражитель дают толчок к аутистически творческим переживаниям. Но это аутистическое уклонение от реального не приводит к реальному изобретению (к творческому синтезу вышеупомянутого типа), а остается аутистическим до конца; реальный раздражитель остался в стороне от данного чисто аутистического творчества. Творчество в данном случае приобретает утопический (или фантастический) характер. Реальная база изобретательства ускользнула из-под творческого аппарата аутиста. Мы получаем здесь все виды, так назыв., «патологического творчества» патологических изобретателей.

Замечательно то, что характер изобретения такого изобретателя может варьировать от величайшего изобретения какой-нибудь машины, имеющей революционное значение в технике до мелкой какой-нибудь пуговицы или нового вида булавки.

Пример изобретателя шизоидного типа.

Изобретатель О. Х., 46 лет. Изобретает всю свою жизнь в области холодной обработки металлов в большом промышленном городе Ш. Создал ряд ценнейших изобретений, что повело к революционизированию данной отрасли промышленности в данном городе. Со стороны наследственности исследуемого отмечается следующее: об отце и матери—никаких данных. Из 6-ти его братьев старший—эксцентричный, гиперэстэтик, раздражительный, шизоид. Его дочь страдает истерией, другая дочь—шизофренией. Также изобретатель. Изобретал удачно ряд новых систем замков, получил патент. Изобрел также ряд других мелких изобретений по слесарному делу. Другой брат, человек с авантюристическими наклонностями к бродяжничеству: переселялся то в Южную Африку, то в Америку и в другие страны, так и пропал без вести. Одна единственная сестра страдала базедовой болезнью в довольно резко выраженной форме, со всеми классическими симптомами. Сам испытуемый — человек среднего роста, астенического сложения с жиденькой растительностью на теле, близорук, старается катарром желудка,

ничем, будто, кроме этого никогда не болел в жизни. Психически представляет собой типичного шизоида. Замкнутый, застенчивый, малоразговорчивый, периодически раздражителен; временами оживлялся, если разговор касался его изобретений, а также в это время он становился остроумен, находчив. Временами впадал в мистически религиозное настроение. Любил философствовать на абстрактные темы. К жизни относился философски, никогда ни на что не жаловался, даже в минуту отчаянных неудач. Родные и близкие считали его «холодным» человеком и чудаком. Любимым занятием его жизни—было изобретать. Как самоучка, который не получил никакого образования, он с большой гордостью говорил о том, что до решения всех проблем (технических и пр.) он «доходил своим собственным умом». И это не было фразой: сложнейшие технические задачи он разрешал сам, только «своей смекалкой», своей собственной интуицией. Всякий предмет фабричного производства, который попадался ему в руки, он целыми днями «обдумывал». Производило впечатление (на постороннего), как будто осматривание и изучение данного предмета (примерно, скажем, изучение какого-нибудь замысловатого замка от портмоне) наводило его на новые творческие идеи, которым он предавался, как ребенок предается изучению какой-нибудь игрушки-головоломки. «Продумав достаточно долгое время объект своего изобретения, он приступал без всяких чертежей к реализации изобретения в своей мастерской. Всю черную предварительную работу проделывал его подручный мастер-слесарь. Прodelав ряд опытов, он подгонял части моделей или части изобретения интуитивно одно к другому так, как-будто, план целого у него был перед глазами, при чем, что замечательно, он никогда не отдавался конструированию одного изобретения, а всегда одновременно занят был целым рядом других изобретений (мелких и крупных). Повидимому, одна идея изобретения рождала у него попутно другие параллельные идеи и, таким образом, отдыхая от одного, он конструировал другое. Так как это требовало значительных затрат денег, то он всегда находился в самом тяжелом материальном положении, результатом чего ему и его семье приходилось отчаянно терпеть нужду, голод, лишения; временами судебные преследования кредиторов, вплоть до продажи с молотка всего его имущества, мастерской, главным образом, ибо для личной жизни его самого и его семьи никогда ничего не было и нечего было описывать. Даже для его немногочисленных детей у него не было средств, чтоб дать им какое-нибудь образование; они были предоставлены сами себе и росли без всякого руководства. Когда какое-нибудь изобретение требовало значительных затрат, тогда он подыскивал себе «человека с деньгами» в компаньоны будущих благ. Так как расчеты не всегда совпадали с действительностью и требовалось денег и времени больше, чем это предполагалось, а у «человека с деньгами» их больше не оказывалось, тогда прибегали к по-

мощи другого «человека с деньгами». В результате если изобретение достигало цели, оба его компаньона забирали в свои руки изобретение, а также мастерскую, чтоб спасти свои капиталы и вознаградить себя за время. Изобретатель с изобретением в руках оставался нищим. В других случаях, при невозможности доведения до конца (вследствие недостатка средств) «человек с деньгами» захватывал судом или без суда инвентарь мастерской, продавал с молотка и выбрасывал вон изобретателя, который опять таки оставался с семьей нищим. Несмотря на неудачи, он, оправившись через некоторое время от нищеты, начинал снова делать попытки реализовать свои изобретения. Несмотря на то, что дал ряд ценных и крупных изобретений, он так и умер бедняком в нищете.

3. Циклоидный тип изобретателя (эвроциклоидный тип).

Обрисованный Кречмер'ом (10) циклоидной и циклотимической конституции человек проявляет себя в техническом творчестве так характерно, что можно также говорить о циклоидном (евент. циклотимическом) типе изобретателя.

Эти типы в чистом виде встречаются, правда, не в таком многочисленном количестве как, например, шизоидные группы, однако, встречаются часто. По крайней мере, на нашем материале мы имели их значительное количество.

Вместе с характерными для этого типа, периодическими сменами настроения, появляются также периодически приступы «изобретательского зуда», при чем эти приступы совпадают с периодом фазы возбуждения. Настолько эти фазы возбуждения закономерно совпадают с приступами изобретательского творчества и настолько творческий психомеханизм покрывается и органически связывается с этими приступами возбуждения, что дает нам полное основание для выделения этого типа в самостоятельную группу. А именно: в группу изобретателей-эвроневрэтиков циклоидной конституции, где динамогенным фактором «изобретательского зуда» служит возбуждение, присущее этой конституции. Здесь, именно, мы и находим ключ для понимания этого типа и всей его установки как изобретателя.

В зависимости от характера периодичности и длительности фаз возбуждения, мы имеем здесь также и соответствующую периодичность творческих приступов и их длительность. Точно также в зависимости от характера интенсивности возбуждения, мы имеем ту или иную интенсивность творческих реакций (эвроактивности).

При достаточно компенсированной форме возбуждения изобретатель-циклоид суб'ективно переживает чувство «высшего счастья», в плохо компенсированных случаях; когда воз-

буждение выражено слабо для эвродинамики данного приступа, тогда такой изобретатель чувствует непреодолимую потребность стимулировать себя известной дозой алкоголя, или каким либо другим возбудителем. (Один из наблюдаемых нами изобретателей такого типа обычно говорил, что у него тогда появляется потребность «смазаться»,—как он выражался, т.-е, потребность выпить соответствующую порцию алкоголя).

В нормальных случаях это тип изобретателя, творческая мысль которого всегда направлена на изобретение полезно-практических вещей, нужных для сегодняшнего дня. Это тип изобретателя, который никогда не займется проблемами «вечного двигателя», это не аутистический изобретатель, который может отдать всю свою жизнь какой-нибудь утопической проблеме, Никогда он не сделает прыжок в область, где еще человеческая мысль не топталась, он предпочитает идти по хорошо протоптанным тропинкам. Слишком трезво-реально он смотрит на вещи, чтобы рисковать на что-нибудь проблематичное. Слишком трезво-утилитарно направлен его изобретательский нюх, чтоб трать время на то, что не даст ему верных достижений. Его изобретательская логика цепко держится за реальную логику тех вещей, машин и конструкций, с которыми он сжился как со своей стихией. Его психике свойственно: относиться ко всему (к людям, к вещам)—реально, без прикрас, оценивать все и всех так, как оно есть «не мудрствуя лукаво». Точно также и его изобретательское мышление—конкретно-реально, следует реальной логике тех машин и конструкций, среди которых он живет.

Вот почему его изобретательство не носит характера создания новых технических идей с новыми техническими оформлениями, делающих эпоху в технике, создающих новые отрасли культуры.

Его изобретения суть скорей усовершенствования уже известных технических идей, для которых им создаются новые конструкции, новые технические оформления. А если, паче чаяния, у него когда-нибудь и появится какая-нибудь новая идея, то она, скорей, ему мешает в тех случаях, когда он захочет эту новую идею воплотить в новую же конструкцию. Логика его процессов изобретения, тесно связана со всем тем, что до сих пор уже было создано. Его изобретения всегда связаны с техническими традициями—они преемственны. Это типичный изобретатель, который больше всех других изобретателей зависит от среды данного момента и от технического прогресса данного времени, в то время как другие типы изобретателей (шизоидной или эпилептоидной группы) склонны иногда забегать на $1/2$ столетия вперед своего времени. А шизоид, кроме того, может совсем оторваться от своей эпохи и залезть в дебри архаических времен (перпетуум мобиле).

Это, конечно, не значит, что у данного типа изобретателя нет творческой фантазии. Это только означает, что творческий механизм его отличается вышеприведенными особенностями,

что, в свою очередь, зависит от содержания и структуры его творческих комплексов и от механизма его творческих приступов. Сам по себе этот творческий приступ характеризуется как приступ гипермнезии маниакального типа (о гипермнезиях как о творческих приступах см. выпуск 1-й тома II Клинич. Архив. Гениальн. и одарен.)).

В момент этого приступа данный субъект переживает такое обострение репродуктивных способностей, что делается возможным количественный наплыв конструктивных идей и образов, нужных для данного момента «творческих находок». При чем в данный момент мобилизуется все то, что было когда-то им реально пережито: весь его арсенал богатого технического опыта, как бы специально мобилизуется, быстро схватывается, сопоставляется, сравнивается и вообще перерабатывается так, как это происходит у феноменальных счетчиков при их операции с числовыми комплексами.

Однако, все субъективные переживания в момент такой творческой гипермнезии происходят в рамках строго об'ективного, реального мышления, по «законам логики» тех научных дисциплин, на которых тренировался его интеллект (если он пошел соответствующую научную школу. Если же это изобретатель-самородок, то он строго и слепо подражает тем реальным соотношениям техники и механики, на которых он практически воспитал себя).

Таким образом, «творческие находки» рождаются и не выходят из пределов реально пережитых комплексов, протекают строго последовательно в пределах логики и «здравого смысла». «Творческие интуиции» этого типа в свое время были нами выделены в особый тип «интуиции обострения» (гипермнестический тип), противопоставляя этому тип «интуиции расщепления» (см. стр. 33, вып. I-й, том II этого «Архива»).

В моменты, когда периоды возбуждения проходят—пропадают у него и приливы творческого энтузиазма. Наступающий после этого легкий период депрессии совпадает с периодами, когда изобретатель легко «расхолаживается» в своих изобретательских идеях, бросает свою работу, как что-то надоевшее ему, берется за другие работы и т. д. В некоторых случаях он бросает изобретательство надолго, с тем, чтоб при случае, когда снова в приступе возбуждения, вспыхнет «изобретательский зуд», снова взяться за это же.

Когда дело доходит до реализации своего изобретения он проявляет настойчивость в признании его изобретения, добивается энергично патента, хлопочет об авансах, умеет отстаивать свои права приоритета и проч. Вообще же он умеет хорошо использовать свое положение изобретателя, хорошо продать, нажать «капиталец», иногда и «спекулировать», словом извлечь все практические выгоды своего изобретения. Часто такая удача «вдохновляет» его для дальнейшего изобретения и развивает в нем «капиталистические вкусы» предпринимателя.

Пример циклоидного типа изобретателя.

Изобретатель П. Р. 49 лет, мастер снарядного цеха. Наследственные данные: отец алкоголик, умер от последствий алкоголизма, служил заведующим снарядного цеха. По своим способностям слывет как человек «со смекалкой». Дядя (брат отца) чрезвычайно нервный субъект, пробовал в царское время подделывать деньги. Изобретал молотилку, но, повидимому, не окончил. 2-й дядя (брат отца) был также чрезвычайно нервный человек.

Мать испытуемого умерла 65 лет неизвестно от чего. Отличалась также, в отношении характера, чрезвычайной возбудимостью и склонностью к патологической говорливости. Двоюродный брат (по матери)—изобретатель; изобрел жатвенную машину и прибор для нарезки винтов, за что получил патент.

Братья испытуемого:

Старший брат также изобретатель. Изобретал дальнобойный снаряд, также по гидравлике и машиностроению. Был премирован за это.

2-й брат—уравновешенный по характеру. Не пьет, страдает туберкулезом легких. Ремонтный мастер. Выделяется своими способностями и отличается находчивостью.

Остальные братья—страдают чахоткой. Некоторые из них умерли от этой болезни. Об изобретательских склонностях обоих—ничего неизвестно.

Сам испытуемый по строению тела—типичный пикник. Перенес оспу, рожу, скарлатину, дифтерит, тиф. Чрезвычайно нервный субъект—временами раздражителен, вспыльчив, возбужден, не спит по ночам; двигательное и речевое возбуждение; злоупотребляет алкоголем. Были попытки к самоубийству на почве семейных переживаний. Года 2 (по его словам) был «почти ненормален». В другие периоды бывает угнетен, много плачет, уединяется, ничего не хочет делать, мнителен, бессонница. Склонен к самоубийству. Такая смена возбуждения с депрессией у него бывает периодически.

St. Pr. Типичный пикник. Со стороны сердца явления миокардита, со стороны легких—эмфизема. Со стороны нервной системы: зрачки реагируют, правильной округловатости, дрожание языка и пальцев, небольшое покачивание при закрытых глазах, резко красный дермографизм, сухожильные рефлекс—живые.

Изобретательством занимается еще с молодости. Изобрел аппарат, регистрирующий положение драги в процессе добычи платины и ее работу; хлопочет о патенте и премии. Также изобретает еще ряд других приборов. Изобретает, по его словам, тогда, когда бывают приступы возбуждения. При отсутствии изобретательских приступов страдает больше бессонницей, нежели когда изобретает.

Лучше всего изобретает тогда, когда он, по его выражению, позволяет себе «смазаться» (т. е. когда он выпивает). Также лучшие доклады по службе он делает с похмелья.

4. Параноидный тип изобретателя (эвропараноидный тип).

Как разновидность шизоидного типа изобретателя, мы должны выделить группу изобретателей, шизоидов, которые имеют в себе резко подчеркнутый параноический компонент.

Это тот знакомый нам тип изобретателя, который всю жизнь (или значительную часть своей жизни) поглощен одной какой-нибудь идеей, в то время как все другое его совершенно не интересует (например, Цеппелин всю жизнь преследовал идею изобретения воздушного корабля определенной системы, назыв. «Цеппелин»); или же, в других случаях: такой тип изобретателя, который может быть поглощен всю жизнь идеей, имеющей хотя и практическое, но сравнительно ничтожное значение, например, изобретение каких-нибудь новых подтяжек для брюк, имеющих значение «мелочи» в сравнении с громадной затратой энергии и времени. Однако, в глазах параноидного изобретателя изобретению новых подтяжек придается такое же громадное мировое значение, как и изобретению Цеппелина, и в этом особенность такого параноида в сравнении с грандиозными замашками изобретательства эпилептоидного изобретателя, который никогда не займется «мелочами», а всегда «вдохновляется» изобрести что-нибудь «грандиозное», мирового значения. Здесь эпилептоидный изобретатель в силу конституциональных особенностей его психики, чувствует органическую потребность к грандиозному «космическому» размаху. Параноидный изобретатель, в силу конституциональных же особенностей, склонен к преувеличенной оценке явлений, а потому может придавать огромное значение изобретению Цеппелина и в равной мере подтяжкам для брюк. В равной же мере он склонен жертвовать и всю жизнь и творческую энергию и время. Эта же склонность к преувеличенной оценке мешает ему видеть истинное значение его изобретения. Создаются «параноидные ножицы»: расхождение между незначительной эффективностью его изобретения с огромной затратой энергии, времени и пр.

Однако, та же самая огромная энергия, которая обуславливает преувеличенную оценку данного явления, стимулирует параноидного изобретателя к творчеству; служит тем магнитом, вокруг которого стягиваются все его творческие ресурсы, а затем организовываются в стойкий комплекс переживаний. Этот комплекс настолько завладевает творческим механизмом изобретателя, что все остальное остается заторможенным и вне критического поля параноида.

К этой группе изобретателей относится та масса изобретателей-чудаков, изобретающих курьезные вещи, в равной мере и грандиозные изобретения. Немалая доля среди них

и перпетуум-мобилистов. Изобретательский зуд поглощает их день и ночь. Настойчивость их в отношении поставленной цели не знает никаких преград: нищета, разорение, насмешки—ничто их не остановит в достижении намеченной цели. Европараноидный тип также настойчиво добивается признания правоты и преимуществ своих изобретений. Мало того, готовы даже судебным путем и сутяжничеством отстаивать всякую кажущуюся ему несправедливость по отношению к его детищу (например, при плагиате, при отстаивании прав приоритета). Европараноид всегда скрытен в отношении своего изобретения и прежде чем откроет свое изобретение, запасается всеми возможными способами ограждения своих прав, а если он где нибудь продемонстрирует свое изобретение, то непременно, конструктивную суть его скроет, как секрет, а покажет лишь эффективную часть этого аппарата и то с большой опаской. Это тип «секретного» изобретателя, у которого трудно добиться раскрытия своего секрета даже при получении патента. Страх и боязнь раскрытия секрета не дают ему спокойно спать, работает поэтому по ночам над своими изобретениями, или в потаенном месте, чтоб как-нибудь, боже упаси, не увидали. Его изобретательство обставляется как «святая святых» торжественно, многозначительно. «Избранные», посвященные в «кусочек» его тайны, должны клятвенно молчать об этой тайне

Сама «тайна» раскрывается лишь при особо благоприятных случаях, что заставляет изобретателя годы выжидать, чтоб дожить до такого случая. Договориться с ним в деловом отношении, чтоб реализовать и использовать его изобретение (если оно действительно реально полезное), часто бывает затруднительно и весьма хлопотливо, в силу его специфической подозрительности и недоверчивости ко всему окружающему. Если же с ним удалось договориться, то опять таки рискуете быть втянутым в какой-нибудь сутяжнический процесс. Для этого у него всегда найдется много поводов. А те же изобретатели, которые имели несчастье изобрести что нибудь сходное с его изобретением, всегда уж будут втянуты в судебный процесс, где они будут обвинены в плагиате. В особенности это может иметь место там, где параноидный компонент из более или менее компенсированного состояния начинает переходить в декомпенсированное.

Пример изобретателя параноидного типа.

Изобретатель К. Ф. 42 лет, по профессии часовщик. Изобретает новой системы секретный замок; за некоторые из них получил патент. Занимается изобретательством около 20 лет и все одними и теми же замками.

Со стороны наследственности—отец и дед умерли от рака желудка. Отец пил умеренно, отличался чудаковатым характером, эксцентричностью; профессия—мелкий ре-

месленник по починке швейных машин в большом столичном городе. Также изобретатель в своей специальности. Брат окончил самоубийством, другой брат—болел ранним слабоумием. Сам испытуемый типичный астеник, перенес корь, брюшной тиф, воспаление легких и сухой плеврит. Несмотря на свои 32 года—остался холостяком, всю жизнь один и проводит большую часть своей жизни в мастерской. С 18 лет работает над одним и тем же изобретением. Когда работает—запирается, никого к себе не выпускает, даже родных с большой опаской. Чрезвычайно подозрителен, свое изобретение держит втайне. После того, как появилась в газетах реклама одного изобретателя об аналогичном изобретении, стал еще более подозрителен, предполагая, что тот у него «подсмотрел» его модель. После того как он открыл одно из своих изобретений и продал, затеял тяжбу с тем изобретателем, который печатал в газетах. Тяжбу эту он проиграл после многих кассаций в суде. Работая над одним из своих изобретений, он продолжает его усовершенствовать дальше, работает над ним год, другой и, окончив его, вместо того, чтобы его реализовать, начинает снова по новому его конструировать и т. д.

VI. Типы изобретателей-эвроневротиков с не полноценной продуктивностью.

(Относительно-эвропозитивные типы).

Сюда относится, согласно нашей классификации та обширная группа изобретателей, у которых изобретательство имеет неполноценные результаты, главным образом, вследствие различных причин бесплодия. И это бесплодие происходит несмотря на то, что у этих групп изобретателей имеются все данные и все симптомы творческой личности.

Изобретательское бесплодие вообще может быть следствием самых различных причин и может проявляться или в форме абсолютного бесплодия, или в форме относительного бесплодия. Здесь, в этой главе имеется в виду рассмотреть формы относительного бесплодия, т. е., формы бесплодия временного характера или же те формы, которые могут быть устранены теми или иными мерами, в противоположность формам абсолютного бесплодия, где заведомо можно сказать, что изобретательство реальных результатов дать не может при каких угодно условиях (например: изобретательство «вечного двигателя» и проч.).

Относительная бесплодность может быть двоякого рода: или вследствие внешних (экзогенных) причин, или вследствие причин психического характера (эндогенные причины). Рассмотрим обе эти группы по порядку.

Типы бесплодных изобретателей.

А. Экзогенные причины бесплодия изобретателей.

Сюда относятся все внешние причины окружающей среды, которые могут препятствовать или косвенным образом повлиять в неблагоприятную сторону на изобретательское творчество. Например, бесплодие вызывается отсутствием материальных средств для реализации изобретения, отсутствие соответствующей поддержки со стороны той среды, где живет изобретатель или преследование изобретателя не дает довести до реальных результатов данное изобретение. Вообще здесь имеются в виду социально-бытовые причины бесплодия.

На всех этих формах бесплодия, вызываемых внешними причинами, мы здесь останавливаться не будем, ибо они ясны всякому и не требуют пояснения; тем более, что все эти внешние причины устранимы соответствующим социальным законодательством. Нас здесь более интересует 2-я форма бесплодия—эндогенная, поскольку она связана со специфическими особенностями психики данного типа, а потому требует другого подхода и в изучении и устранении этого бесплодия. А потому рассмотрим их подробнее.

В. Эндогенные причины бесплодия изобретателей.

Как сказано было выше, эта форма бесплодия вызывает ся чисто психическими причинами, которые обуславливаются особенностями данной личности и его психической конституцией. Каждая форма психической конституции имеет свои стенические свойства для эвропозитивности и астенические свойства, которые могут вызвать отрицательные эвронегативные свойства в данной личности, а потому мы ниже рассматриваем формы бесплодия в зависимости от каждой конституции в отдельности. Здесь же пока отметим общие свойства бесплодия, которые могут быть свойственны любой из ниже приведенных форм психических конституций. Здесь имеется в виду, во 1-х изобретательское бесплодие, которое вызывается психическим торможением творческих процессов, что делает затруднительным, а иногда и невозможным доведение изобретения до реального результата. Эта группа изобретателей страдает бесплодием, несмотря на то, что цели, которые ставит себе изобретатель, вполне реальны и осуществимы, во всяком случае, не утопичны. Имеется также в достаточной степени сила изобретательского таланта для выполнения данных задач, и однако изобретатель страдает хроническим бесплодием, вследствие торможения психики. В противоположность этой форме имеются еще другие, где бесплодие обуславливается именно тем, что изобретатель поставил себе цели, заведомо обреченные

на неудачу, не вследствие, опять таки, неосуществимости задач вообще (вроде «вечного двигателя»), а вследствие несвоевременности изобретения из-за отсутствия объективных условий, научных предпосылок для данной идеи, а потому и являются для данного общества утопией. Если, например, изобретатель летательных аппаратов 60 лет тому назад стремился изобрести эти аппараты, не имея научных предпосылок для этого (соответствующие конструкции моторов и пр.), то он слыл за беспочвенного утописта, что и создавало ему положение бесплодного изобретателя вследствие несвоевременной реализации технической идеи. Его бесплодие опять таки не абсолютная форма бесплодия, а относительная, ибо его изобретательство 60 лет спустя перестало быть утопией и значение его бесплодных попыток имело, может-быть, огромное значение в развитии современной авиации. Здесь следовательно, мы имеем бесплодие, которое обуславливается характером поставленной цели изобретения, в силу неосуществимости идеи в данное время или в данную эпоху. И, наконец, еще одна характерная форма изобретательского бесплодия. Есть тип изобретателя, который имеет все позитивные данные для хороших результатов (как в смысле реальности поставленной цели, так и в смысле возможности достижения ее и пр.). Но имеется одна существенная причина, которая дает особую форму бесплодности. Эта непропорциональность траты огромной энергии на мелочи и страстное увлечение «техническими пустячками», вследствие особых свойств психики переоценивать значение этих «пустячков» в что-то очень важное и большое, несмотря на то, что объективные условия говорят против этого. Все эти формы бесплодия связаны с определенными конституциональными особенностями психики, а потому рассмотрим их в связи с конституциональными формами отдельных типов.

1) Шизоидные формы бесплодия.

К шизоидным формам бесплодия относится целый ряд типов, из которых здесь отметим только 2 типа наиболее ярких:

а) тип шизоидного изобретателя, у которого бесплодие обуславливается психическим торможением эмоционально-волевых импульсов.

Это знакомый нам тип изобретателя, который работает импульсивно, между которыми проходят громадные промежутки времени «апатия, лени, безволия». Изобретатель «валяется» по целым неделям на кушетке своего кабинета или мастерской, предается аутизму своих фантазий, воздушных замков, и богатств, которые должны дать ему его изобретения. Несмотря на хорошие изобретательские способности, на все

хорошие условия материальные и проч., благоприятствующие его работе, а также на весьма реальную и осуществимую цель, которая им была поставлена—дело не двигается вперед. Сконструированная модель, лежит на столе по частям разобранная, необходим последний монтаж уже почти до конца продуманного изобретения, но ему нехватает энергии для работы, которую можно окончить в течение нескольких дней. Изобретатель большого изобретения, в силу волевого притупления, торможения и отсутствия достаточной динамики—аффекта—не может довести дело до конца. Все успехи, все последствия его «великого изобретения» им уже изжиты в аутизме его фантастических переживаний: он уже упоен богатством, полученным от продажи изобретения, он уже вкусил плод любви с той «принцессой», которая явилась ему, благодаря его великому изобретению, он имеет все почести—он уже имеет все; вся динамика, толкавшая его на изобретение, уже «авансом» исчерпана, изжита в фантастике аутистических переживаний.

Зачем изобретать дальше, стоит ли заканчивать модель, когда уже все достигнуто?

Так работа не двигается с места, модель лежит до тех пор, пока какой-нибудь приятель не «стащит» у него ту же идею, сконструирует это же изобретение по новому,—получит патент, как на свое открытие, а изобретение данного изобретателя остается все неоконченным. А если даже и заканчивается им впоследствии, то остается уже никому не нужным, запоздалым. Так всю жизнь изобретатель не может добиться реальных результатов и попадает в категорию таких бесплодных неудачников. Однако, иногда такой тип, чувствуя свою «расхлябанность», интенсивно прибегает к стимулам: алкоголю и пр. Это подымает его «волю» на время, до следующего приступа торможения и упадка. Снова приходится прибегать к алкоголю, но тут «переливается через край» и он запивает надолго, пропивает все взятые авансы денег, пропиваются все ценные инструменты, наконец, и сама модель, и он падает на «дно». Так кончают много ценных и талантливых изобретателей—шизоидного типа. Среда остается к нему безразлична, а те, которые могли помочь, относятся к нему формально бюрократически:—не доделал до конца,—значит никуда не годишься. Нередко вследствие своего разорения такой талантливый и ценный изобретатель попадает в тюрьму за долги.

Организованная и своевременная помощь такому изобретателю—помощь эвротерапевтическая, своевременным устранением торможения его творческого процесса, или во всяком случае, подача помощи соответствующей рациональной стимуляцией, которая бы не довела его до окончательной гибели—спасла бы не одного ценного изобретателя для общества.

б) Тип шизоидного изобретателя, у которого бесплодие обусловливается психическим торможением интеллектуальных процессов.

Главным образом здесь торможение относится к ассоциативным процессам, необходимым в моменты творческих работ изобретателя.

Данный изобретатель человек с талантливыми задатками изобретает новое, ценное техническое изобретение, однако, окончить он не в состоянии и вот почему.

Необходимая проработка деталей данного изобретения требует непрерывной ассоциативной работы («нужно обдумать эту деталь»). Во время такой ассоциативной работы мысль его внезапно обрывается (в силу шизоидных особенностей ассоциативных процессов), он впадает в умственный «тупик» (как некоторые из них определяют это состояние), вследствие этого все творчество изобретателя впадает в «тупик». Этот тупик может длиться часами, днями, неделями и месяцами. Изобретатель, чтобы выйти из этого положения, прибегает к осуществлению других творческих идей-изобретений—он берется за другую работу другого характера, пока эта другая работа не оплодотворяет его первую. Тогда он бросает эту 2-ю затею и возвращается к 1-й работе, или же возвращается к ней лишь после 3-й и т. д. Таким образом, получается то частое положение многих изобретателей, которые «разбрасываются» на многие изобретения и ни одного не могут довести до конца, или доводят с большим трудом до конца и отсюда своеобразная форма «бесплодия», несмотря на обилие творческих идей и хороших способностей. Это бесплодие еще усугубляется тем, что от такого разбрасывания теряется эмоция удовлетворения оконченного изобретения. Этой болезнью страдают очень многие изобретатели. Замечательно то, что здесь невольное разбрасывание себя одновременно на различные изобретения служит психическим стимулом (аналогично стимуляции алкоголем в предыдущих типах шизоидного бесплодия).

В данном случае, благодаря отвлечению себя на новые ассоциации новых изобретательских идей, те ассоциации, которые потерпели вследствие торможения разрыв, снова восстанавливаются и развиваются дальше к намеченной цели.

Однако, другие типы ищут выхода из этого «тупика» стимуляцией себя другими умственными процессами (например, игрой в шахматы и проч.).

2. Циклоидные формы бесплодия.

Выше мы уже отмечали периодические формы изобретательства, когда фаза возбуждения циклоида соответствует приступам изобретательского зуда и потенции. Однако, при кратковременности этих фаз, когда, например, 2-х недельный срок этих фаз недостаточен для того, чтобы закончить данное изоб-

речение, между тем наступает на смену период депрессии и бесплодной упадочности настроения, тогда отсутствие эмоции, служащей динамической силой для изобретательского под'ема и двигателем творческой мысли в период возбуждения — делает данного изобретателя творчески импотентным. Падает интерес к изобретению, нет необходимого под'ема, мысль не ассоциируется так легко, как это надо, а, наоборот,—заторможена, туго сдвигается с места; словом, теряется весь интерес к данной идее и к данному предприятию, потерян эмоциональный тонус, необходимый для процессов творчества. Здесь изобретатель или прибегает к алкогольному стимулированию себя и умеет держать соответствующий тонус хоть на время; или же совершенно бросает неоконченное данное изобретение. В последующие свои периоды новых фаз возбуждения уже не возвращается к продолжению начатого, а начинает разрабатывать какое-нибудь новое предприятие. Здесь повторяется снова смена возбуждения депрессией, снова недоконченное изобретение и т. д. В результате: много начатых ценных изобретений и ни одного конкретного доведенного до конца. Это действует убийственно на моральное состояние данного изобретателя,— он или растеряется, или запьет с горя и, вообще, пропадает для общества, как изобретатель.

В данном случае гибнет изобретатель, как бесплодный изобретатель, механизм «бесплодия» у которого, короткие фазы возбуждения недостаточно приспособленные к стимулам искусственного возбуждения. Изобретатели же, умеющие себя достаточно возбудить таким путем—выходят из положения, но рискуют попасть в объ'ятия периодического запоя со всеми его последствиями.

3. Эпилептоидные формы бесплодия.

Очень сходны с предыдущим типом бесплодия, типы эпилептоидные. Здесь изобретательское «внутреннее горение» поддерживается в нормальных и благоприятных случаях, динамикой тех аффективных переживаний психики, настраивающих изобретателя эпилептоида в состояние «перманентного экстаза» более или менее длительного периода. Этот «перманентный экстаз» в некоторых случаях, однако, может быть укороченным или заменен «вспышками творческого озарения», которые затем сменяются приступами более или менее длительных «психических провалов». В благоприятных случаях, когда такие «вспышки озарения» дают изобретателю гениальные идеи изобретений, и когда эти вспышки сменяются, как это часто бывает—«перманентным экстазом», тогда такой экстаз дает возможность эту гениальную идею реализовать в конкретную форму изобретения. Здесь импульс «озарения» заменился положительным эквивалентом, благоприятствующим для развития и разработки этой идеи. Однако, во многих случаях эти «импуль-

сивные озарения» могут сменяться не эквивалентом экстаза, а «провалами» психики, которые выражаются в полном опустении мысли, апатии, душевной пустоте и тем создаются те состояния «бесплодия», аналогичные приступам «бесплодия» предыдущих типов. Конечно, если эти приступы «провалов» часты и продолжительны. Однако, здесь это состояние, может быть более тяжелое, чем в предыдущих случаях, ибо алкогольная стимуляция здесь часто не дает эффекта, а, наоборот, затягивает состояние «провалов» или делает их совершенно безнадежными.

Бесплодие изобретателя в таких случаях тем более тяжело отражается на душевном состоянии изобретателя. Гениальные идеи часто остаются только идеями и не достигают своей конкретной реализации; или же, в лучших случаях, остаются незаконченными. Часто такому типу удается одну свою идею довести до конца, а потом остается на всю жизнь изобретателем блестящих «идей» без умения их реализовать. На других формах эпилептоидного бесплодия мы здесь останавливаться не будем.

4. Параноидные формы бесплодия.

При параноидной форме изобретательского бесплодия часто сказывается неблагоприятное сочетание параноидной динамики с кумулятивным компонентом. Целеустремленность параноида хороша тогда, когда идея, стоящая в центре ценна и велика, и поскольку затраченное время на изобретение соответствует большому значению и великой ценности изобретения.

Но когда параноид часто тратит полжизни на мелкое изобретение, вроде вышеупомянутых подтяжек для брюк, в силу своеобразной переоценки значения изобретения—выходит, что «овчина выделки не стоит». Здесь получают вышеупомянутые «параноидные ножницы»: изобретение обесценивается малым результатом, тогда как энергия, время и, главное, большая одаренность могли бы быть направлены на более крупное изобретение. Здесь, поэтому мы получаем своеобразную форму относительного бесплодия. В этом и заключается вечная трагедия многих таких изобретателей и не всегда такого изобретателя легко убедить в малоценности его изобретения. Другие свойства психики параноида также косвенно делают его бесплодным. Так, постоянное окружение тайной своего изобретательства и боязнь раскрыть эту «тайну» — тормозят быстрое использование изобретения, пока другие, не изобретут нечто лучшее. Все эти тормозы реализации, наконец, физически и психически истощают изобретателя и он остается на всю жизнь бесплодным изобретателем-неудачником.

Все вышеприведенные формы изобретательского бесплодия нам хорошо известны. Все они обуславливаются конститу-

циональными особенностями, которые усугубляются еще более неблагоприятными условиями среды; конечно, сюда не должны быть отнесены те случаи, где играют роль и с к л ю ч и т е л ь н о неблагоприятные условия среды, а конституциональная особенность не играет роли. Это те случаи, когда, несмотря на высокую плодовитость и талантливость изобретателя, среда подавляет творчество изобретателя просто потому, что боятся убийственной конкуренции нового изобретения; или по каким-либо другим соображениям, сознательным или бессознательным, создают ему такую обстановку, при которой он, придя в отчаяние, делается бесплодным по чисто внешним причинам (бедность, отсутствие поддержки деньгами, преследование и пр.). Все эти экзогенные причины бесплодия в наш анализ сюда не входили, поскольку они суть причины не биологического характера.

Все вышеприведенные формы конституционального бесплодия, однако, не суть исчерпывающие: имеются еще и другие, но здесь мы только отмечаем наиболее характерные.

VII. Типы изобретателей с абсолютно малоценной продуктивностью (эвро-негативные типы).

Сюда относится та многочисленная группа изобретателей, которые изобретают подчас всю жизнь и ни к каким реальным результатам прийти не могут. Это те изобретатели, у которых изобретательство есть определенно выраженный аутизм патологического характера. Эти люди сльвут в жизни за чудаков, мечтателей, фантазеров, технических утопистов и т. д. Несмотря на отрицательное отношение к ним окружающей среды, относящейся к ним как к полубезумцам, с сожалением или с насмешкой, они отдаются изобретательству душой и телом. Какое ему дело до насмешек или сострадания людей! Ничто его не разубедит в его аутистическом убеждении, что он накануне великого изобретения. Доводы математических выкладок, физических законов, опровергающих возможность его изобретения, бледнеют перед силой аутизма. На него эти доводы влияют также, как доводы взрослого, пытающегося убедить ребенка, воображающего себя на палочке верхом—наездником на красивейшем в мире коне. Тщетны будут Ваши попытки разубедить ребенка, что это не так! Сила аутистических переживаний сильнее логики. Такого рода аутисты чаще всего бывают изобретателями перпетуум мобиле.

История вечного двигателя есть одна из удивительнейших страниц истории человеческих изобретений, или, вернее, изобретательского аутизма. Как вечный спутник земли, луна светит

своим мертвенным и бесплодным романтическим сиянием, несмотря на то, что солнце светит и греет в изобилии и во всей своей величественной мощи, так и вечный спутник «perpetuum mobile» изобретается во все времена, несмотря на величайшие достижения техники. Меняются только формы проявления, но «вечный двигатель» остается «вечным спутником» техники всех времен, независимо от ее головокружительных успехов. Этот «вечный спутник» не есть случайное явление, или явление пережитка технической невежественности, как это думают многие, а есть закономерное явление творчества, творческой романтики человечества. Как аутизм есть определенная органическая потребность определенного типа человека, так и perpetuum mobile есть определенный результат этой потребности. Вот почему проблемой perpetuum mobile занимались и занимаются сейчас люди-аутисты, независимо от их образования и социального положения. Величайшие ученые, оставившие следы в истории человеческой культуры, и скромные неизвестные ремесленники и рабочие захламляя, которым недоступно знание законов механики, физики и пр.—одинаково увлекаются этой проблемой. Какое им дело до Ваших законов, до научных выкладок. Даже если ученый знает прекрасно эти законы, он все таки как-бы забывает об их существовании и отдается проблеме «вечного двигателя», как любимой мечте, жертвуя жизнью, состоянием, семьей. Что даже среди современных ученых имеются типы, которые убеждены в возможности perpetuum mobile, доказывают такие сочинения, как «Новая энергетика» немецкого автора: Leo Gilbert (Neue Energetic, Dresden, 1912 г.). Немецкий автор старается доказать возможность новой энергетика, которая идет вразрез со всем современным учением физики и механики. В основу своего учения автор «новой энергетика» кладет противоречивость явлений природы. Каждая вещь или явление в природе имеет 2 стороны. Каждое явление имеет обратное ему явление. Если где-нибудь в мире совершается физический процесс, то одновременно на каком-нибудь другом месте совершается процесс противоположного характера. Увеличение энергии вызывает в другом месте уменьшение, рост—убыль, действие—противодействие.

Каждое понятие физики имеет противоположное понятие, так что оба дополняются, положительное электричество—отрицательное электричество; холод—тепло; покой—движение. Все процессы состоят в том, что постоянно нарушаются состояния равновесия и возникают новые. Гильберт думает на основании своих рассуждений, что возможность перпетуум мобиле не исключается; так как сущность работы состоит в передвижении какого-нибудь комплекса энергии от одного полюса к другому, то можно себе представить машину, которая бы постоянно передвигала эту энергию.

Таким образом, мы видим, что идея «вечного двигателя» может увлечь и ученых нашего времени, несмотря на все

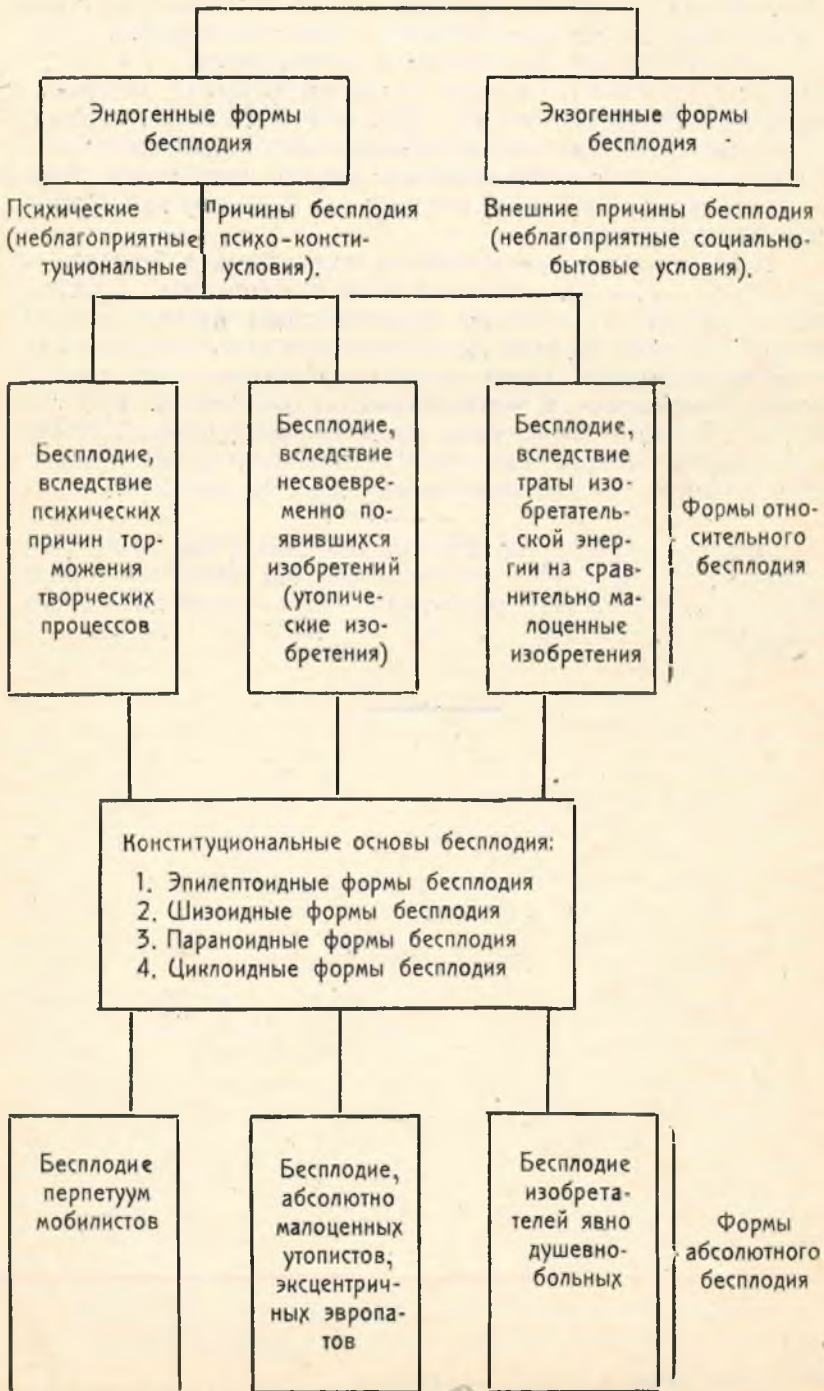
достижения современной науки (не говоря уже о том, что ученых прошлых времен также занимала эта проблема). Дело тут не в научном багаже того или иного теоретика или изобретателя «вечного двигателя». Дело тут в особом аутистическом состоянии данного типа изобретателя. Только аутист может давать тип изобретателя, склонного заниматься перпетуум мобиле. Да, можно было бы сказать, что склонность заниматься проблемами «вечного двигателя» есть уже сама по себе симптомокомплекс аутизма шизоидных эвропатов, а именно того типа, которых мы выделяем как группу шизоидных европатов.

К этим же группам абсолютно малоценных и бесплодных надо отнести всех тех утопистов и эксцентричных изобретателей, у которых психическая декомпенсация настолько явно бросается в глаза во всех их изобретениях, что делает их абсолютно малоценными. Точно также сюда относятся все изобретатели, находящиеся в психиатрических больницах. Все эти группы абсолютно малоценных представляют, однако, большой теоретический интерес, поскольку на них природа экспериментирует и вскрывает нам творческие механизмы психики.

Для того, чтобы представить себе нагляднее наше разделение бесплодных типов изобретателей, мы прилагаем в виде схемы, классификацию различных форм изобретательского бесплодия (см. стр. 50).

КЛАССИФИКАЦИЯ

различных форм изобретательского бесплодия.

VIII. Симптоматология отдельных типов изобретателей и их распознавание.

Практически для нас имеет огромное значение распознавание отдельных типов. Нет сомнения в том, что самой верной методикой для распознавания является клиническая, точнее, методика клинической эвропатологии. При настоящем положении науки мы других методов не имеем. Другими методами, например, чисто физиологическими или биологическими в узком смысле этого слова—мы пока не располагаем, а потому говорить о них преждевременно. Точно также методы психотехники ничего нам не могут дать для распознавания типа изобретателя. Если методы психотехники еще недостаточны для определения профпригодности умственных профессий вообще, то тем более они непригодны для диагностики типа творческих личностей.

Итак, мы пока все-таки можем остановиться на клиническом методе, как на наиболее существенном.

Да и само собой разумеется, ведь мы имеем дело с эвропатологами, а потому только в такой плоскости этот вопрос может быть и рассматриваем. Другое дело, что эта клиническая симптоматология у нас до сих пор не разработана и вопрос с этой стороны еще не изучен. Но что нужно и необходимо ее построить и можно построить таким путем—в этом нет сомнения. Наша попытка здесь начертить схему построения такой симптоматиологии, конечно, не может быть совершенной и исчерпывающей уже потому, что это делается впервые. Психиатры до сих пор очень мало уделяли внимания изобретателям с эвропатологической точки зрения. Все, что есть в специальной психиатрической литературе, касается исключительно душевно-больных изобретателей, находящихся уже в больницах, следовательно, уже в периоде декомпенсации. Здесь же речь идет о построении симптоматиологии в хорошо компенсированном состоянии психики.

Из общего обзора вышеприведенных схем отдельных типов изобретателей уже логически вытекает кардинальный вопрос: какие симптомы мы имеем для того, чтобы определить прежде всего—есть ли данный изобретатель тип полноценный или малоценный. Практику этот вопрос покажется праздным, ибо он ответит так: если он дает полезное и годное изобретение—он полноценен, если же он не дает полезного изобретения, или изобретает какой-нибудь «пустячек», то он малоценен. Вот Вам и вся симптоматология и диагностика. Но это есть формальный, бюрократический подход. Это значит, что громадную массу изобретателей, нуждающихся в помощи эвротерапевтической (не говоря уже о материально-технической), выбросить бездушно за борт. Кроме того, наше государство кровно заинтересовано использовать рационально все творческие ресурсы и гро-

мадную массу людей неполноценных сделать завтра полноценными. А чтобы сделать их полноценными и социально-полезными надо изучить, почему и по каким биологическим причинам они делаются не полноценными.

Все же, только при изучении конституциональных особенностей типов изобретателей, мы видим и уясняем себе причину неполноценности того или иного изобретателя. Мы видим, например, что параноидный тип может потратить полжизни на изобретение пустячка, в силу его параноидных особенностей психики. Шизоид не может довести до конца ценное изобретение в силу шизоидных торможений воли, циклоид разбрасывается в силу коротких фаз возбуждений и т. д.

Те, которые дают оценку личности изобретателя, сплошь и рядом этих особенностей не знают и не понимают. Также они не понимают своим формальным подходом, что те или иные уклоны можно с помощью соответствующей эвротерапии устранить и этим увеличить ценность изобретателя, точно так же как акушер искусной манипуляцией поворота руки иногда в состоянии дать возможность роженице родить нормально здоровый плод. Зная все это, следовательно, мы уже иначе будем относиться к такого рода изобретателям. Вот почему нам нужно построить симптоматиологию и диагностику этих типов. Наметим здесь вкратце основные симптомы этих типов.

1. Симптоматология личности изобретателя шизоидного типа*).

Общие симптомы шизоидии. Симптомы аутистического механизма мышления резко отличают шизоидного изобретателя от всех других. Это определяет шизоидный характер отношения таких изобретателей к окружающей среде, к предметам, к конкретным вещам. В силу этого шизоид-изобретатель «фантас» несмотря на то, что он задался целью изобрести конкретную вещь, нужную машину. Он создает ее путем временного отрыва от логического мышления—он мыслит не «законами логики», а законами архаического (resp. аутистического) мышления—это не только не умаляет ценность его творческого психомеханизма, но, наоборот, это дает ему возможность забежать вперед современных форм конструкции, сопоставлять и конструировать более оригинальные изобретения и создавать открытия до сих пор небывалые. Благодаря шизоидному способу, саморасщеплению, интуиция его обогащается материалами, недоступными другим. Анализ расщепленных элементов психики дает ему возможность выходить из затруднений при решении трудных проблем. В этом сила шизоидного механизма изобретательства. При декомпенсации этих свойств создаются вышеупомянутые симптомы неполноценности этого типа. Аутист, впавший в крайность, дает творчество перпетуум мобиле, уто-

*) Симптоматология личности изобретателя параноидного типа также включена здесь.

пические конструкции, запутанные механизмы, делающие практически не пригодными его изобретения. Резкая форма шизоидии волевых и эмоциональных элементов делает изобретателя «бесплодным» в смысле неумения довести изобретения до конца, разбрасывание от одного изобретения к другому, параноидная вариация того же типа дает измельчания творческой энергии.

Резюмируя симптоматику шизоидного изобретателя мы имеем следующие признаки.

В интеллектуальном отношении: аутистический механизм технического мышления, аутистический механизм анализа и синтеза изобретения. В декомпенсированных случаях аутизм воплощается в перпетуум мобиле и в проч. утопических системах изобретения. Симптомы изобретения «пустячков», оцениваемые высоко самим изобретателем, и симптомы патологической фиксации творческой энергии на одном изобретении—при параноидном уклоне личности.

В эмоционально-волевом отношении: симптомы работы импульсами при более или менее длительном торможении волевой энергии.

Гиперэстезия по отношению к процессу технического творчества; анестезия (часто во многих случаях) к результатам и последствиям изобретения.

2. Симптоматология личности изобретателя эпилептоидного типа.

Общие симптомы эпилептоидной психики: аффективный и эксплозивный характер психических реакций (вспыльчивость, раздражительность) повышенная сензитивность, оффензивно-наступательный характер поведения по отношению к окружающим. Властно нетерпимое отношение ко всякому, кто становится к нему в оппозицию. Придирчивый спорщик, не терпит возражений и критики. Резкие переходы от одной крайности к другой (полярный характер реакций—от одного полюса крайностей к другому полюсу). Отдается изобретательству со страстью, с фанатизмом. Приливы экстазов вообще, и, в частности, приливы изобретательского экстаза. «Вдохновенный» вид в эти моменты. Приливы гипербулии в изобретательских процессах: может работать и изобретать «запоём». Приливы эти могут быть более или менее длительными.

В интеллектуальном отношении: строго последовательное реалистическое мышление вообще и, в частности, в своих изобретениях. В творческих моментах интеллектуальные процессы характеризуются как процессы молниеносных вспышек «озарения» дающие ему легко справиться с труднейшими проблемами (гипермнезии, как обострения интеллектуальных процессов). Тенденция изобретать грандиозное — «космическое».—Новые технические идеи, а также одновременная склон-

ность создавать новые технические оформления. Время от времени эти приливы и творческие приступы могут чередоваться психическими «провалами», тяжело отражающимися на душевном состоянии изобретателя.

3. Симптоматология личности изобретателя циклоидного типа.

Общие симптомы периодичности смены настроения, характеризующиеся, как приступы возбуждения и депрессии, сменяющиеся один за другим. Реально практическая установка по отношению к окружающей среде. В период возбуждения—бодр, весел, отзывчив, остроумен, интеллектуальные процессы легко протекают; эмоционально-волевые в слегка возбужденном состоянии. В депрессивной фазе—слегка меланхолическое настроение, упадок энергии, апатия. Приливы изобретательской эврикативности в период возбуждения, а потому и эта эврикативность носит периодический характер. В депрессивной фазе торможение и упадок изобретательского творчества.

К своим изобретениям относится со свойственным его характеру практицизмом. Изобретает все то, что нужно и полезно в данный момент и для него и для той среды, где он живет. Чужд всему утопическому в своих изобретениях, мыслит строго-реально, конкретно и всегда отражает ту техническую эпоху и среду, в которой живет. Чужд стремлений забегать вперед в техническом отношении. Изобретательскую идею революционного характера не дает. Его изобретения—новые технические оформления уже известных технических идей.

Приступы творчества характеризуются как гипсманиакальное обострение психических функций (гипоманиакальная гипермнезия) с количественным наплывом ассоциации, представлений, образов чисто технического характера. В недостаточно компенсированных случаях—разбрасывается и не может остановиться на окончании одного какого-нибудь начатого изобретения.

Свое положение изобретателя умеет хорошо использовать.

IX. Симптоматология и распознавание творческих приступов у отдельных типов изобретателей.

Для изучения и распознавания личности изобретателя не менее важным является знание симптомов при творческих приступах. Эти приступы являются характерными для каждого конституционального типа в отдельности, поэтому для каждого из них мы можем выделить комплекс симптомов в отдельности. Знание этих комплексов является чрезвычайно важным при диагностике и дифференциальной диагностике, поэтому рассмотрим эти комплексы по группам.

1. Симптоматология творческих приступов у эпилептоидных изобретателей и их распознавание.

Самым характерным симптомом творческих приступов этих типов является эпизодический характер этих приступов. Однако, промежутки между этими эпизодическими состояниями могут незаметно сглаживаться и перейти в состояние длительного (перманентного) экстаза. Или же такие приступы сами по себе могут перейти в такой длительный экстаз. Характерным для этих приступов эпилептоида является то, что они начинаются *в н е з а п н о*, *в д р у г*, как «озарение», конструктивная идея нового изобретения является совершенно внезапно, гипермнестической, как в панораме делается вся конструкция ясной, очевидной и мысль начинает обостренно разрабатывать и развивать, как легко и последовательно распуывающийся клубок нити; все кажется до того необычайно ясным, что деталь за деталью сама по себе удивительно логически вытекает из другого, как что-то готовое; никаких усилий, обдумываний, никаких «проработок»—все готово, «бери и воплощай готовое в чертежи». Экстаз, охватывающий изобретателя дальше, используется для полной и дальнейшей разработки эмоции «счастья и блаженства», поддерживает необычайную энергию в одолении трудностей, если они встречаются при этом. Грандиозность открытия, необычайная ясность, логичность и в то же время необычайная конденсированность мыслительных процессов при максимальном эмоциональном напряжении — характеризуют это состояние, известное, как состояние *г и п е р м н е з и и э п и л е п т о и д н ы х*. Интуитивные переживания здесь протекают, как «интуиции обострения» (см. «Клин. Арх. Ген. и Одар», вып. I, том II, стр. 33). В этом типе творческого приступа характерным является то, что творческий синтез данного изобретения является внезапно и также внезапно может исчезнуть, если эта гипермнезия не перейдет в длительный экстаз, который сам по себе может

служить динамической силой для развития творческой идеи и конструирования конкретной модели. Конструктивная фантазия нигде так ярко, до панорамной очевидности, не развертывается артину изобретения со всеми ее мельчайшими деталями, как Кесь. Вот в общих симптомах картина творческого приступа этого типа. Суб'ективно данным изобретателем переживается как что-то необыкновенное; окружающим бросается в глаза необычайно экстатический вид изобретателя—его «горение», его легкое преодоление бессонных ночей и его завидно-счастливое состояние.

2. Симптоматология творческих приступов у шизоидных изобретателей и их распознавание*).

Совершенную противоположность характеристики симптомов мы имеем у шизоидных изобретателей при творческих процессах.

Здесь, прежде всего, изобретатель не знает никаких «экстазов» и никаких «вдохновений» творчества.—Сильная эмоция здесь вообще отсутствует, а потому создается совершенно иная картина симптомов. На фоне более или менее дисгармоничной и расщепленной психики сильная эмоция здесь вообще отходит на задний план. Здесь создаются те своеобразные состояния, которые мы определяем как приступы «интуиции», развивающиеся на почве саморасщепления или на почве аутистических переживаний, что дало нам повод определять их как «интуиция расщепления» в отличие от эпилептоидных «интуиций обострений» (выше эти же состояния трактовались как гипермнестические интуиции эпилептоидных). Эти приступы рождаются в аутистических переживаниях повседневности, причем всегда при этом играет роль внешний раздражитель — конкретные предметы, с которыми изобретатель имеет дело каждый день. Но этот конкретный предмет служит только раздражителем, ибо аутистическая установка мышления у такого изобретателя сейчас переносит его в состояние расщепления и он уклоняется от этого раздражителя в сторону, впадает в состояние «видения без узнавания того, что видишь»—в аутистическое созерцание «нового» и в предметах, которые для человека с реальным мышлением не являются новыми. Здесь, в этом «видении без узнаваний» появляются те «творческие догадки» (как их многие называют). Эти переживания похожи (и только похожи, но не тождественны) на те состояния, когда аутистически склонный индивидуум читает книгу, но чтение не дает ему возможности глубоко вникнуть в читаемое, а только раздражает его фантазию на новые, совершенно не связанные с данным содержанием книги, мысли, образы. Эти переживания кажутся ему «откровениями», откры-

*.) Симптоматология творческих приступов параноидного типа также включена здесь.

тым и им здесь, сейчас, благодаря какой-то аналогии или благодаря отщеплению себя от процесса углубленного чтения. Здесь человек, читая книгу, творит что-то «новое», начинает «видеть», т. е. переживать нечто, что до сих пор никогда с ним не бывало. Вот это-то «новое» и есть то, что шизоидом переживается как «интуиция». Здесь рождаются у него «творческие догадки». Если же мы представим, что вместо раздражения чтением книги шизоида-изобретателя будут раздражать аналогично реальные конструкции машин и проч. во время работы, то у него в процессе такого раздражения могут возникнуть те аутистические состояния расщепления, когда он «видит» те же конструкции «новыми» или заново в его аутистической фантазии переконструированными. Здесь он тогда переживает то состояние, которое нами названо как «интуиция расщепления» (см. Кл. Арх., вып. 1-й, т. 2-й).

3. Симптоматология творческих приступов у циклоидных изобретателей.

Особенностью приступов у этого типа изобретателей является то, что они носят характер периодичности. Периоды эти сменяются периодами изобретательской апатии. Или в лучшем случае: сменяется периодами пассивного выполнения «черной» или подготовительной работы, в ожидании «хороших» дней. Наступление периода творческого приступа сопровождается эмоциональным подъемом, однако, резко отличающимся от наступления экстаза эпилептоида, которое квалифицируется суб'ектом, переживающим это состояние, как нечто необычное, между тем, циклоидный изобретатель переживает нечто для него «естественное». Подъем возбуждения—количественный прилив всех видов энергии: прилив волевой подвижности, прилив ассоциативных функций, прилив представлений и образов фантазии, прилив эмоций, словом, все как-бы количественно увеличилось, но качественно ничего не изменилось. При эпилептоидных приступах мы имеем больше признаков качественного напряжения, здесь же больше преобладает количественный прилив психических элементов переживания.

Конечно, в известных случаях оба эти состояния могут быть очень сходны и трудно различимы (в смешанных случаях). Однако, оба эти состояния протекают настолько типично, что не трудно их распознать. В своих случаях творческие приступы протекают под клинической картиной гипермнезии. В одном случае—как эпилептоидная гипермнезия, в другом—как маниакальная гипермнезия (о творческих приступах в состоянии гипермнезии, вообще, и в частности, у этих творческих типов см. стр. 18-30, вып. 1-й, том II, «Клинич. Архива Гениальн. и Одар.»).

Х. Вопросы эвротерапии и европрофилактики, как очередная проблема при создании помощи изобретательству.

Выше мы видели, что среди изобретателей имеются типы, которые отличаются теми или иными видами изобретательского бесплодия; мы показали также вкратце, от каких психических механизмов это бесплодие зависит. Несомненно, для общества является чрезвычайно важным всю эту массу бесплодных изобретателей из относительно малоценных сделать полноценными и полезными для общества на все 100 проц. Если для типов экзогенного бесплодия, причины бесплодия коренятся, главным образом, в социально-бытовых условиях (бедность, преследование и проч.) они могут быть устранены соответствующим социальным законодательством (что уже и делается в нашем Союзе), то для эндогенных типов бесплодия, где причины бесплодия коренятся в психических особенностях изобретателей, требуется совершенно другой подход. Тут уже представляется новая задача для европатологии создать эвротерапию для творческих невротиков. Эта эвротерапия должна поставить себе задачей бороться с изобретательским бесплодием путем специфической психотерапии—устранение всех нервно-психических причин, мешающих и тормозящих полное развертывание кумулятивного компонента творчества.

Понятно, что не ко всем изобретателям можно применять с успехом эту эвротерапию. К группе абсолютно бесплодных изобретателей применение этой терапии было бы бесполезным делом. Речь идет, главным образом, относительно тех групп, которые нами в вышеприведенной классификации выделены, как относительно—европозитивные типы, где те или иные нервно-психические моменты поддаются психотерапии. Имеются в виду здесь легкие формы нервно-психической декомпенсации, доступные терапии вообще. Точно также подразумевается здесь не терапия болезненных состояний вообще, а устранение тех психических моментов, которые являются преградой для творчества и при соответствующем устранении этой преграды—увеличивается евроактивность данного изобретателя.

Автор сей работы уже много лет применяет эту эвротерапию и убедился, что такая эвротерапия возможна, как и всякая психотерапия. Современная задача заключается лишь в том, чтобы создать эту эвротерапию как самостоятельную, строго выработанную дисциплину. Эвротерапия должна быть дисциплиной, которая должна давать творческому невротичекому своему роду «акушерскую помощь» в его изобретательских «родах». Понятно, что все механизмы этих «родов» должны быть предварительно тщательно изучены и проверены.

Конкретно укажем, в каком направлении может быть построена такая эвротерапия. Мы возьмем некоторые моменты, где такая эвротерапия может быть применена и давать хорошие результаты.

1. Многие из изобретателей-эвроневротиков, как мы видели выше, по своему конституциональному состоянию являются типами, у которых имеется в достаточной степени чувство полноценности, сознание своей изобретательской силы. В некоторых случаях часто мы имеем даже чрезмерную переоценку своей личности и своих творческих способностей. Такое чувство своей полноценности служит хорошим двигателем или стимулом для творчества.

Но ведь есть изобретатели, которые одержимы обратными свойствами: они страдают чувством неполноценности своей личности и своих изобретательских способностей, несмотря на то, что объективно по характеру своего таланта имеют основания оценивать себя иначе. Так или иначе это чувство неполноценности убийственно отражается на эвроактивности данного изобретателя, оно убивает в нем те блестящие изобретательские ресурсы, которые у него есть. Еще более положение его усугубляется когда он находится в среде, которая его чувство малоценности использует или, во всяком случае, истолковывает в невыгодную для него сторону, и этим самым создается для него заколдованный круг.

В данном случае соответствующая эвротерапия должна и может (конечно, соответствующей методикой) устранить это чувство малоценности и дать ему то чувство полноценности, которое стимулировало бы его на известную высоту изобретательской эвроактивности.

Однако, здесь же надо заметить, что такого рода эвротерапию нельзя смешивать с обычным поощрением, которое ничего общего не имеет с тем видом психотерапии, о котором здесь идет речь. Правда, известные формы поощрения тоже могут вызвать временный подъем творческих сил, но это не есть терапия, с помощью которой необходимо совершенно уничтожить то чувство, которое вредит его творчеству, как постоянный отрицательный фактор—как болезнь.

Что такая эвротерапия может дать блестящие результаты—автор имел возможность убеждаться на целом ряде случаев в своей практике с такими изобретателями.

Конечно, при применении того или иного метода эвротерапии приходится учитывать ту или другую причину, на почве которой могло возникнуть это болезненное чувство малоценности. Само собой разумеется, что тут речь идет о тех случаях, где возможна вообще психотерапия, а не о тех случаях, где разговор о психотерапии безнадежное дело.

2. В случаях обратных—где чрезмерная оценка своей личности и своих изобретательских ресурсов дает отрицательные,

а подчас и даже гибельные последствия, тут соответствующая эвротерапия может также дать хорошие результаты и тут, конечно, имеются в виду случаи, поддающиеся такой эвротерапии.

3. Гораздо сложнее дело, когда нужно применить эвротерапию к тем изобретателям параноидного типа, где придается преувеличенное значение сравнительно небольшому изобретению, которому посвящаются непропорционально большие творческие ресурсы. Однако, и здесь своевременная эвротерапия в хорошо компенсированных случаях может дать соответствующий эффект.

4. В тех случаях, где причиной изобретательской бесплодности служит эмоционально-волевое торможение, если это торможение не резко выражено и поддается терапии, там эвротерапия ставит себе задачей устранение этой причины.

5. Вообще эвротерапия ставит себе конкретную задачу не только устранения всех причин, которые могут вызвать торможение эвроактивности, но также не менее важную проблему рационального стимулирования всех творческих сил изобретателя, если у него естественная стимуляция недостаточно выражена и благодаря этому развивается изобретательское бесплодие. Тут открывается для эвротерапии огромное и благодарное поле деятельности. Здесь непочатый край работы. Эвротерапевтическую стимуляцию творческой энергии у эвроневротиков автор применял с большим успехом. Это убедило автора, что этот вид психотерапии в будущем должен завоевывать огромное поле деятельности.

Из всех видов искусственной стимуляции себя к эвроактивности особенно большую роль играет у эвроневротиков—стимуляция алкоголем, которая проходит стихийно и у огромной массы творческих невротиков ведет к их гибели, вследствие того, что эта же алкогольная стимуляция «палка о 2-х концах». Немало творческих невротиков сделалось отчаянными алкоголиками и безвозвратно погибли от такой нерациональной стимуляции. Тут мы сталкиваемся с вопросом чрезвычайной важности—с вопросом социальной борьбы с алкоголизмом. С нашей точки зрения борьба с алкоголизмом в значительной степени подвинется тогда вперед, когда эвротерапия сумеет дать рациональную стимуляцию, взамен стихийной стимуляции алкоголем. Ведь, в огромной массе алкоголизм начинается с этой потребности стимулировать себя не только у эвроневротиков, но и у многих невротиков вообще. Между тем, отказаться от стимулирования для многих эвроневротиков—равносильно отказать от творчества. Если эвротерапия сумеет дать такую рациональную стимуляцию, научно проверенную и изученную, и в то же время безвредную, то этим самым она сделает великое дело—она оградит от преждевременной гибели многих и многих талантливых людей.

К сожалению, рамки этой работы не дают нам возможность распространяться об этом важном практическом вопросе. Мы здесь этот вопрос возбуждаем, поскольку мы с ним попутно здесь сталкиваемся.

6. Вместе с вопросом о рациональной стимуляции, как о вопросе эвротерапии, связывается другой вопрос о профилактике изобретателей эвроневротиков. Здесь имеются в виду те предупредительные меры социального характера, которые могли бы предотвратить массовую гибель этих эвроневротиков и их творческой энергии. Причины этой гибели могут быть самые различные. На ряд таких причин, как алкоголизм, отсутствие рациональной стимуляции, отсутствие соответствующей эвротерапии, вследствие чего и длительные, иногда безнадежные формы бесплодия, мы уже указывали, но этим далеко не исчерпаны все причины. Сюда надо отнести огромную долю причин социально-бытового характера (как-то: бедность, преследование, непонимание и проч.). Устранение этих причин, как особая мера социальной профилактики—э в р о ф и л а к т и к и— есть также великая социальная задача будущего, осуществление которой является делом социалистически организованного общества.

Только социалистическое общество может разрешить вопросы социальной организации изобретательства так, как мы себе это представляем.

Но об этом—в следующей главе.

XI. Вопросы социальной организации изобретательства.

Вопросы организации изобретательства занимают не только теоретиков этого вопроса, но и практиков. Организация изобретательства в настоящий момент есть вопрос государственный. Это тем более понятно в настоящее время, когда наше советское государство должно перестроить нашу промышленность на социалистических началах. Понятно, что построение такой промышленности возможно лишь при наличии творческих сил страны, вернее, творческих сил технического изобретательства, поэтому правильная организация этих сил— есть неотложная государственная задача. К этому выводу пришли руководящие органы этого строительства, которые уже приступили к организации изобретательских масс. Однако, в этом деле с самого начала допущен ряд неправильностей, которые вытекают из неправильной постановки вопроса. Она заключается прежде всего в том, что этим делом ведают ис-

ключительно хозяйственные организации и ее органы Цебриз'а, которому передано руководство этим делом всецело. Цебриз подошел к этому делу, как хозяйственник, результатом чего столь щекотливое дело изобретательства носит характер хозяйственной кампании аналогично всем другим хозяйственным кампаниям.

Цебризом даются соответствующие распоряжения, рассылаются циркуляры, организуются комитеты содействия, в некоторых случаях организуются съезды изобретателей и проч. и проч. меры, которые действительно оживляют изобретателей и изобретательство, и тем, несомненно, приносит большая польза этому делу. В этом нет никакого сомнения. Однако, в корне этот вопрос этим не решается, а скорей обходится. В результате получается то, что из огромного количества изобретателей, по данным Цебриз'а, полезными для целей строительства оказывается ничтожный процент, а остальная громадная масса изобретателей выбрасывается, как бесполезный балласт вне поля использования. Спрашивается, в чем же тут дело? Почему такой огромный процент остается за бортом и не может быть использованным для целей строительства?

Ошибка здесь, с нашей точки зрения, заключается в том, что хозяйственники подошли к этому вопросу слишком «по хозяйственному», хозяйственник судит об изобретателях по результатам полезности данного изобретения в данный момент. У них слишком узкая утилитарная точка зрения полезности данного момента. Все то, чему нельзя найти приложения завтра же—никуда не годится.

Такой подход угрожает похоронить столь важное дело изобретательства. Как выше было сказано, коренная ошибка заключается в том, что творческий актив изобретателей оценивается результатами сегодняшнего дня. По анализу творческих типов, приведенных нами выше, читатель мог видеть, что в эту группу могла попасть лишь небольшая часть изобретателей из группы полноценных, и то те из них, повидимому, которые имели благоприятные материальные условия, подходящие условия среды и пр. Ну, а что делать с той огромной массой изобретателей относительно бесплодных, которым нужна не столько техническая и материальная, сколько эвротерапевтическая помощь? Этой массе Цебриз дать такую помощь не может. Собрать комиссию инженеров специалистов, которые бы сказали: ценное это изобретение или не ценное—есть работа важная и необходимая, но это в сравнении с огромной проблемой изобретательства есть только часть всего дела. Гораздо важнее является проблема, как из потенциальной массы пока еще «бесплодных» сделать творчески плодovitых для государственного строительства. Ведь таких изобретателей мы имеем, по крайней мере, 80 проц.

Конечно, это дело не легкое, мы не можем отрицать сложности этой проблемы, но мы должны к ней рано или поздно подойти. Спрашивается, как к этому вопросу подойти?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить то, что нами трактовалось в предыдущих главах, а именно: каждый изобретатель есть биологически и европатологически тип эвроневротика, с особыми конституциональными установками, с определенной симптоматологией как в отношении личности, так и в отношении творческих приступов, следовательно, подержен определенным закономерностям. Отсюда само собой разумеется, что эту массу изобретателей, прежде, чем давать им то или иное направление (или прежде, чем регулировать их творческую энергию), необходимо изучить биологически и европатологически. Только изучив их, таким образом мы можем им дать, что им нужно. Нужно знать этот творческий аппарат, который называется «изобретатель».

С этой целью необходимо, чтоб наше государство создало соответствующий институт, изучающий это дело, точно также, как изучаются научными институтами другие виды энергии природы. Необходимо создать европатологический институт или институт по изучению творческой энергии изобретателей. Как это мы предлагали еще в 1921 году (см. «Уральский Врач» № 2, 1921 г. и статью Б. Я. Вольфсон, «Клинич. Арх. Ген. и Одар.», вып. 1, 1928 года). Такой институт должен сосредоточить в себе все изобретательское дело как с теоретической, так и с практической стороны, как это видно из схематического плана института, который мы здесь прилагаем.

Схематический план организации изобретательского Института.

Весь институт делится на ряд следующих больших отделов

I—Отдел организационный.

II—Отдел теоретического изучения изобретательства. Этот отдел делится на следующие лаборатории:

1. Лаборатория по биологическому изучению личности изобретателя.

2. Лаборатория по европатологическому изучению личности изобретателя.

3. Лаборатория по изучению процесса творчества изобретательства (процессов техники оформления).

4. Лаборатория по изучению результатов творческой продуктивности изобретательства.

5. Лаборатория по изучению всех видов «бесплодного творчества».

III—Отдел эвротерапевтической помощи изобретателям.

IV.—Отдел технической помощи изобретателям:

а) обща́я помощь техническими знаниями непрофессиональным изобретателям;

б) специальная помощь техническая, по специальным уклонам, необходимым изобретателю;

в) техническая консультация всякого вида.

V—Отдел экспертизы готовых и неготовых изобретений!

а) экспертиза изобретательских идеи и планов;

б) экспертиза технического оформления;

в) экспертиза готовых изобретений.

VI—Отдел:

Музей и библиотека.

Из этого плана мы видим, что здесь уделяется внимание как теоретической стороне вопроса, так и практической. Изобретательская энергия не только всесторонне изучается, подвергается диспансеризации во всех отношениях, но также оказывается самая разносторонняя помощь, начиная с технической и кончая эвротерапевтической. Только в такой форме, по нашему глубокому убеждению, может быть настоящая социальная помощь изобретателям и только тогда можно будет разрешить этот вопрос во всей полноте.

З а к л ю ч е н и е .

Нечего и говорить, что вопрос об изобретателях здесь нами далеко не исчерпан. Отдельные вопросы, затронутые в этой работе, подлежат дальнейшему специальному изучению.

Тема об изобретателях настолько богата и обширна, что каждому вопросу, нами здесь вкратце разобранному, можно было бы посвятить отдельное исследование, отдельную книгу. Не говоря уже о том, что многим весьма важным вопросам, как например, вопрос о том, как влияет среда на изобретательство и какие характеристики создаются под влиянием среды на вышеупомянутые биологические типы, мы не могли уделить достаточно внимания. Но надеемся этот пробел заполнить в будущем.

В заключении позволю себе еще несколько слов добавить к практической идее создания вышеупомянутого Изобретательского Института.

В организации Изобретательского Института могли бы принять участие целый ряд заинтересованных наркоматов, как-то: Наркомздрав, Наркомпрос и ВСНХ.

Однако, организован он должен быть при Всесоюзной Академии Наук, при отделе изучения производительных сил Союза. Этот Институт должен быть центральным, имея в виду, что он может иметь филиалы в больших промышленных центрах. Кроме того, все отдельные разбросанные кружки и организации изобретателей могли бы объединиться вокруг Центрального Института через свои областные филиалы.

В практическом отношении этот Институт вместе со своими филиалами (помимо научных работ) мог бы провести полную диспансеризацию всех изобретателей Союза.

Такая диспансеризация в самом широком смысле этого слова даст руководящим органам не простой статистический учет изобретателей (как это делается хозяйственными органами), а полный и настоящий качественный учет и з о б р е т а т е л ь - с к о й э н е р г е т и к и Союза. Нечего говорить о том, что такая диспансеризация и государственная забота создает громадный прилив творческой энергии не только у массы существующих уже изобретателей, но и у тех, у которых творческая энергия находится в латентном состоянии. Таким образом, откроются совершенно новые резервы кумулятивных сил творчества. Ведь сам по себе факт создания такого Института есть лучший вид стимуляции для изобретательских масс Союза.

Стимулирующее влияние такого Института распространится также и на эвроневротиков других видов творчества (научного, художественного и проч.), которые, в конце концов, в будущем также подлежат диспансеризации, как и изобретатели.

По нашему глубокому убеждению такая организация изобретательских масс, есть лучшая форма научной организации социалистического соревнования изобретательской энергии. Здесь для вызова такого соревнования должны быть учтены все специфические особенности и уклоны творческих механизмов. Кроме того, с таким подходом это соревнование будет длительным и прогрессивно-растущим фактором социалистического строительства.

Примечание к отдельным главам и по отдельным вопросам.

К главе II.

Давая определение понятию «изобретатель» мы наталкиваемся на ряд затруднений различного характера. В литературе многие авторы в понятие «изобретатель» включают часто людей, давших чисто научные открытия (когда, например, ученый-химик, открывший химический элемент, неверно трактуется как «изобретатель»).

Здесь чисто научное творчество смешивается с изобретательством в смысле чисто технического творчества. Мы стоим на той точке зрения, что чисто научные открытия хотя и имеют послед-

ствием то, что производят полный переворот в технике, однако, нельзя этих ученых назвать «изобретателями» точно так же, как нельзя назвать Гегеля или Маркса изобретателями. О научных открытиях хотя и можно говорить, как о научном изобретательстве, все-таки это не есть то, что мы подразумеваем при употреблении слова «изобретатель» в технике.

Если бы мы изыскания ученого поставили в одну рубрику с «изобретательством» в технике, то мы бы с таким же правом могли говорить о творцах скульптуры, живописи и проч., как об «изобретателях», несмотря на то, что в каждом творчестве могут быть элементы «изобретательства». Здесь, следовательно, необходимо, во избежание путаницы понятий, ограничить понятие «изобретатель» и «изобретательство» сферой технического творчества в узком смысле этого слова. Конечно, во многих случаях есть сфера научных изысканий, которую трудно резко отграничить от сферы технического изобретательства; безусловно это обстоятельство приходится иметь в виду. Однако резких границ между отдельными областями творчества и знания вообще трудно провести и на такие затруднения мы всюду наталкиваемся, где дело доходит до определения понятия или терминов. Тем не менее это не мешает нам давать то или другое определение этим понятиям.

Так и мы здесь поступаем с понятием «изобретатель» — мы имеем в виду чисто техническое творчество.

Понятие «эвроневротик» мы вводим здесь впервые. Выделяя этим названием невротика технического творчества, этим самым подразумевается, что этим же термином обозначаются и другие творческие невротики литературного творчества, музыкального, научного и т. д.

Также этим же самым подразумевается существование особых эвроневрозов (resp эврозозов), в симптомокомплекс которых включается творческий компонент органически связанный в невротическим компонентом. Следовательно, эвроневроз вообще присущ творческим невротикам. Этим мы отнюдь не хотим создавать какую-либо новую форму болезни, а выделяем те биологические состояния, которые сопровождаются творчеством.

Практически их выделить необходимо для того, чтоб показать, что существуют по отношению творческих состояний неврозы позитивные (т.-е., способствующие механизмам творчества) и негативные, т.-е., отрицательно и декомпенсаторно действующие на механизм творчества.

Отсюда и наше деление на эвропозитивные и эвронегативные типы. Этим самым мы парируем те избыточно-трафаретные возражения многих противников, которые подкрепляют свои доводы теми примерами, когда болезнь помешала или уничтожила творчество (имея в виду эвронегативные случаи с декомпенсацией).

К главе III.

В этой главе мы стремились дать такую классификацию, где бы различные точки зрения биолога, социолога и техника нашли бы один общий язык. Конечно, задача нелегкая, но к ней рано или поздно необходимо подойти, иначе этот вопрос никогда не выйдет из того тупика, в котором он находится.

Понять сущность изобретательства только тогда возможно, когда инженер, врач, психопатолог и социолог найдут общую платформу для совместной работы. Ведь, в настоящий момент даже слепым стало ясно, что построенное на научных началах производство не может обойтись без совместного сотрудничества инженера, врача, экономиста-социолога. Почему же в вопросах изобретательства продолжает господствовать консерватизм?

Несомненно, недалеко то время, когда и этот консерватизм будет сломлен и техник, инженер, социолог и психопатолог найдут ту платформу для работы и в отношении изобретательства. Для этой цели им придется сговориться о том, что каждый из них понимает под понятием «изобретатель» и какие бывают изобретатели по их разновидностям. Тут-то данная классификация, как бы она ни была несовершенна (ведь, всякая классификация, даже самая идеальная, не безупречна) должна дать общий язык.

В нашу классификацию мы умышленно не включаем истерический тип эвроневротика и вот почему. Среди изобретателей, которых мы наблюдали, таковых не было. Кроме того, те типы, среди мужского пола, которым часто ставится диагноз «истерия», или истеро-неврастения» в сущности, при подробном анализе оказываются—легкие эпилептоиды с подчеркнутым истерическим компонентом.

Автор исходит из той точки зрения, что настоящая истерия у мужчин—редкое явление (если не считать ч и с т ы х т р а в м а т и ч е с к и х форм истерии). Чаще за «истерию» и истеро-неврастению сходят легкие эпилептоиды аффект эпилептической конституции, где истерические симптомы входят составной частью. Вот таким то легким эпилептоидам *large man* ставится часто диагноз истерия и вот таких то мы и имеем в виду, когда мы говорим об эпилептоидных типах.

В большинстве случаев эти эпилептоиды имеют алкогольную наследственность в анамнезе, что их еще больше роднит с эпилептоидной конституцией.

Несомненно, нашу классификацию типов можно было бы расширить на различные подгруппы (например, в шизоидной группе: анестетиков, гиперэстетиков и проч.). Но мы это не делаем потому, что рамки этой работы не позволяют нам входить подробно в эти подгруппы. Точно так же о смешанных типах можно было бы дать особую классификацию, но по тем же причинам мы здесь это не делаем, а только упоминаем для полноты классификации, что смешанные типы эвроневротиков существуют, не останавливаясь подробно на них.

Употребляя для обозначения конституциональных типов известные термины: шизоид, циклоид, эпилептоид и параноид, мы этим самым хотели оттенить конституционально-психологическую характеристику этих типов, независимо от степени патологического состояния, обозначаемого этими названиями. Назначение шизоид, следовательно, здесь употребляется в широком смысле для всех видов шизэфинных состояний (шизотимия, шизопатия, шизоидия и пр.). Циклоид употребляется, как общий термин для всех видов этой конституции (от здорового циклотимика до легких циклоидных форм с хорошей компенсацией).

В таком же смысле употребляется обозначение «параноид» и эпилептоид».

К главе IV.

Вопрос о кумуляции технических способностей представляет чрезвычайный интерес еще и с другой стороны. В заводах или цехах, где работает несколько поколений, можно проследить не только факт кумуляции технических способностей от деда через отца к внукам, но и тот факт, как приобретенная в определенной среде тренировка технических навыков из поколения в поколение закрепляется как биологический признак этой среды.

«Техническое чувство» Зоммера и есть, вероятно, результат таким образом закрепленных из поколения в поколение навыков, которые, благодаря процессам кумуляции, из количества переходят в качество. Как это количество делает «прыжок» в качество мы в свое время дали соответствующее объяснение (см. патогенез и биогеуз великих людей Кл. Арх. Ген. и Одарен. вып. 1; Т. 1, а также «Гипостатическая реакция гениальн. и одарен.» вып. 2, т. 1.

К главе VII.

Если мы относим к абсолютно малоценным изобретателям — перпетуум-мобилистов, то мы имеем в виду тех из них, которые являются совершенно безнадежными гутистами. Сюда не относятся те, которые занимаются вечным двигателем по своей мало осведомленности в физике, механике. Такие бросают это дело, как только получают соответствующие знания.

Точно также сюда не относятся те изобретатели, у которых увлечение вечным двигателем есть «романтический эпизод» в их изобретательской жизни. Такой эпизод, например, пережил Роберт Майер (см. о Роберте Майере мою работу у Кл. Архиве Гениальн. и Одарен. т. IV, вып. I). Однако, этот эпизод в научном творчестве Майера сыграл известную положительную роль в том смысле, что натолкнул его на новые творческие мысли.

Из этого вытекает, что среди перпетуум-мобилистов надо выделять по крайней мере три группы разновидностей.

1. Перпетуум-мобилистов, вследствие простого заблуждения из-за недостатка образования.

2. Перпетуум-мобилистов, как результат легких форм аутизма. Эпизодические формы («не злокачественные формы»), которые

иногда служат этапом для дальнейшего развития творческих идей.

3. Группа безнадежных перпетуум-мобилистов, вследствие резко выраженного аутизма, часто с параноическим уклоном.

Вот эту то последнюю группу перпетуум-мобилистов мы и имеем в виду, когда говорим о них в главе об абсолютно малоценных изобретателях.

К главе X.

Хорошо организованное коллективное изобретательство может быть также хорошим стимулирующим средством для многих технических эвроневротиков, которые чувствуют свою недостаточность и не полноценность (например, те из шизоидных невротиков, которые страдают чрезмерной мнительностью, неуверенностью в своих силах).

Такие эвроневротики чувствуют необходимость постоянной посторонней поддержки и подбадривания, тогда они хорошо успевают. Оставшись сами с собой, наедине, теряются и страдают от своей мнительности.

В хорошо подобранном небольшом коллективе и при чутком и осторожном отношении к его страданию, такой изобретатель хорошо успевает.

Поэтому, стихийно возникающие во многих заводских центрах коллективные кружки изобретателей имеют под собой здоровую почву, поскольку такие коллективы-кружки могут служить стимулирующим моментом для тех, которые в этом нуждаются в выше указанном смысле.

Конечно, для этого такие кружки должны быть соответствующим образом подобраны, в противном случае мнительный эвроневротик не может получить того, что ему нужно.

Средства и формы, которые употребляются для стимуляции эвроневротиками вообще (и в частности изобретателями эвроневротиками) чрезвычайно разнообразны. Все-таки все формы стимуляции можно разделить на 2 большие группы.

I экзогенные формы стимуляции

II эндогенные формы стимуляции.

К I группе относятся все и с к у с т в е н н ы е с р е д с т в а, ввоимые в организм эвроневротиками, дающее ему то временное возбуждение или состояние, которое ему нужно для вызова приступов творчества. Сюда относятся: алкоголь в первую очередь, табак, кофеин (чая и кофе) и затем всевозможного вида наркотики (морфий, гашиш, кокаин и пр.).

Ко 2-й группе относятся все те формы, которые вызывают стимуляции соответствующим настраиванием себя в соответствующее переживание, стимулирующее его к творчеству. Сюда относится например: стимуляция себя сексуальными переживаниями—музыкой, чем вызывается возбуждение эндогенных источников «вдохновения» и «экстазов».

Сюда также относится стимуляция себя возбуждением после ссоры (с этой целью данное лицо ищет с кем-нибудь поссориться, что вызывает в нем аффект возбуждения, и этим себя хорошо стимулирует для творчества).

К главе XI.

Небольшая историческая справка.

Идея основания института по изучению творчества всех видов (а также, в частности, по отношению к техническому изобретательству) была автором впервые выдвинута 18-го февраля 1921 года на публичном заседании всех факультетов Уральского университета, а затем опубликована в «Уральском Враче» № 2, 1922 года в статье под заглавием: «И н с т и т у т Г е н и а л ь н о г о т в о р ч е с т в а». (Проект организации международного института по изучению гениального творчества). Здесь была дана впервые подробная организационная схема этого института.

Организация теоретической части института и практически регулирующей части.

Во главе этого института, как руководитель-ученый коллектив всех видов специальностей и творчества: техников, врачей, психиатров, художников, биологов, ученых и пр.; которые создают соответствующие лаборатории, кафедры, институты, музеи и пр. для разностороннего изучения творческих типов. Здесь намечены для изучения все вопросы естествознания творческих типов.

Начиная с географического и метеорологического факторов изучения и кончая общественно-историческим и всеми формами биологического изучения (анатомия, физиология, генетика, психопатология и пр.).

Здесь предусмотрено также создание анатомического музея мозга выдающихся людей (позже в 1927 г. эта же идея создания музея мозга великих людей под названием «Пантеона мозга» — выдвинута была Бехтеревым . В этом же плане предусмотрено изучение всех материалов, которые бы могли осветить, механизмы творчества (патографический материал, психографический, биографический, самопризнания творческих личностей о моментах творческих переживаний и проч., и проч.) Точно также здесь намечен план изучения творчества детей, дикарей, вундеркиндов, душевно-больных и всех других видов творчества, освещающих механизм творчества.

В этот план института включается также и клиническое, и эндокринологическое изучение творческих типов и их нервной системы по клиническим методам изучения.

Для этого создается новый тип профессиональных лечебных и санаторных учреждений (дома отдыха для ученых, санатории для художников и пр.), где можно провести соответствующие исследования и наблюдения клинико-лабораторного характера, и таким образом приблизить идею специальной диспансеризации творческих личностей.

Однако, этот институт не только занимается теоретическим изучением, но и практическим регулированием всех вопросов социально-бытового характера, соприкасающихся с творчеством, их бытом, социальной защиты, диспансеризации, патронирования (в случае надобности и проч.).

Здесь мы и имеем впервые выдвинутый вышеупомянутый вопрос о регулировании бесплодных эвроневротиков, а также идею стимулирования их безплодия соответствующими мерами, чтоб сделать их плодовитыми (т.-е., идею применения соответствующей эвротерапии).

Точно также все другие формы регулирования творчества с аномальными (вундеркинды, дефективные всяких видов) и антисоциальными тенденциями (наприм., порнографическое творчество и проч. виды творчества явно антисоциальные).

Правовая охрана и защита творческих типов здесь предусмотрена во всех отношениях.

Проект организации этого института в свое время (в 1921 г.) предлагался на рассмотрение соответствующему Наркомату, но в виду тяжелого положения в то время нашего Союза (голода, разрухи) рассмотрение этого плана было отложено.

Исторически надо здесь же отметить, что в 1922 году проф. И.И. Лапшин в своей книге: «Философия изобретения и изобретение в философии» поднимал также вопрос об организованном изучении путем «дружественной кооперации ученых» разных специальностей философов, психологов, врачей, психиатров и техников.

Автор этот предлагает создать психотехнику научного творчества, при чем для этой цели должен быть выполнен ряд подготовительных работ, вроде: собирания психографических, патографических данных, использования и изучения всех данных, относящихся к освещению творческих процессов, с широким применением не только наблюдений, но и экспериментов.

Кроме изучения вышеупомянутых вопросов, этот автор, ничего практического не выдвигает, даже в изучении и вопроса нет определенной методики (кроме наблюдения и описательного метода).

Клинической постановки вопроса и вообще, клинического подхода у него нет. Как он конкретно представляет себе «психотехнику творчества» — мы не знаем. Вопрос поставлен туманно — нет конкретного подхода. Социальная сторона вопроса в смысле конкретной помощи какими-либо социальными мерами также не указана.

В последние годы, в связи с культурным строительством в Союзе, идея о создании института снова выплывает на сцену, правда, в несколько ином виде, но в основе суть та же.

В 1927 году В. В. Добрыниным был представлен подробно разработанный проект в Академии Наук СССР о создании нечто вроде высшего органа, который бы регулировал

вопросы рациональной организации труда и быта творческого труда.

Если разобрать идеи и детали, положенные в основу этого проекта (по статье автора «Организация творчества» в «Вестнике комитета по делам изобретений» № 5, стр. 637—642), то видно, что здесь всплывает тот же самый проект института, опубликованный в 1921 году Сегалиным, только в несколько видоизмененном виде.

Здесь автором предлагается также ряд социальных мероприятий для рациональной организации и использования творческой личности и творческой продукции. Для этой цели предлагается также создание соответствующих коллективов людей творчества всех видов (ученых, изобретателей, сначала в пределах национального, а затем и международного, которые объединяются в одну организацию для научной разработки вопросов культуры творчества.

Затем, на основании этих данных, практическое содействие в рациональном применении творческих сил и ряд социальных мер в регулировании быта и социальной помощи творческой массе.

Здесь также предлагается ряд мероприятий.

а) социально-бытового характера (устройство соответствующих санаторий и лечебных учреждений, устройство всех видов консультаций правового характера и пр., и пр.).

б) мероприятия рационализаторского характера творчества труда (создания соответствующих учреждений, лабораторий и проч., способствующих выявлению творческих способностей, консультации всякого рода для развития творческих способностей и рационального использования и т. д.).

Для рассмотрения этого проекта была выбрана комиссия академиков и ученых специалистов, и в результате нашла его своевременным.

Для этой цели комиссия постановила организовать «общество для изучения научной организации труда и быта работников творческого труда».

Это общество затем и должно создать то объединение, которое намечено в проекте, чтоб затем по возможности суметь реализовать и те меры, намеченные в проекте.

В настоящее время, повидимому, это общество находится еще в стадии организационной подготовки и надо думать, что в ближайшее время оно получит конкретные формы существования.

Если всему этому проекту Добрынина суждено будет осуществиться полностью, то наша идея института, опубликованная в 1921 году, примет конкретные формы приближения к нему.

Конечно, в проекте Добрынина недостает клинической части проекта, клинической и эвропатологической методики разработки вопросов. Без этого, по нашему мнению, не может быть настоящего решения вопросов, и с этой стороны необходимы

будут соответствующие дополнения.

В связи, вероятно, с вопросом о реализации этого проекта Добрынина, в Москве в 1929 г. среди некоторых кругов психологов возникла также идея создания «Эврологического Института» Каковы его виды на реализацию и каковы его конкретные формы автору не известно.

Итак, из этого краткого обзора мы видим, что идея создания института в том или ином виде имеет свое развитие и рано или поздно должна будет реализоваться. Несомненно, эта реализация произойдет не сразу, а постепенно по частям, ибо тот универсальный институт, о котором была речь в 1921 году должен включить целый ряд специальных институтов и учреждений.

Изобретательский Институт, предложенный здесь, в этой работе и есть именно одна из единиц, которая войдет в будущем в этот общий институт.

72

ЛИТЕРАТУРА.

1. **M. Tramer.** Technisches Schaffen Geisteskranker. 1926. Berlin.
 2. **A. Kielholz.** Zur Genese und Dynamik des Erfinderwahns. Internat. Zeitschr. f. Psychoanal. H. 4. 1923.
 3. **R. Sommer.** Psychologie und Organisation d. Erfinderwesens. Psychologie u. Medizin B. I, H. 1. 1925.
 4. **С. А. Преображенский.** Вопросы патологии творчества в области изобретений техники. Журн. «Психол., невролог. и психиатр». 1923. Т. III.
 5. **П. К. Энгельмейер.** Творческая личность и среда в области технич. изобретений. 1911.
 6. **М. А. Блох.** Творчество в науке и технике. 1920.
 7. **Ф. Ицхак-Рубинер.** Вечный двигатель. Гиз. Москва.
 8. **Г. В. Сегалин.** Патогенез и биогенез великих людей. «Клин. архив. гениальн. и одар.», вып. 1-й. Т. I. 1925 г.
 9. **Г. В. Сегалин.** Гипостатическая реакция гениальности и одаренности. «Кл. арх. ген. и одар.», вып. 2-й. Т. I. 1925 г.
 10. **Э. Кречмер.** Строение тела и характер.
 11. **Е. Блейлер.** Аутистическое мышление. Одесса. 1927 г.
 12. **Г. В. Сегалин.** Общая симптоматология эвроактивных (творческих) приступов. «Клинич. арх. ген. и одар.», вып. 1-й. Т. II. 1926 г.
 13. **Г. В. Сегалин.** Частная эвропатология аффект-эпилептического типа гениальности. «Клин. арх. ген. и одар.», вып. 1-й. Т. III. 1927 г.
-

